

РЕГИНА
РАЙЛЬ

ПЛАЧ
СИНТЕТИЧЕСКИХ
СИРЕН

18+

Регина Райль

Плач синтетических сирен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39146568

SelfPub; 2023

Аннотация

После извержения вулканической кальдеры на континенте изменился климат: упала температура и образовалась нерассеивающаяся завеса пепла и тумана. Сообщение с другими странами прервалось. Тогда над Синдерсити зависают «умные машины». "Сирены" искусственно создают погоду, наблюдают за жизнью людей. В организме Элии – служащей среднего класса – начинают происходить изменения, она замечает странные реакции на обычные вещи. Девушка становится объектом пристального внимания. Ей предстоит выяснить, на что готовы пойти власти "во благо" жителей. Тем удивительнее, что к ней присоединяется Нио – сын градоначальника и конструктор "Сирен".

Содержание

Глава 1. Город пепла	4
Глава 2. Загадка диагноза	18
Глава 3. Отказ доступа	33
Глава 4. Помощь	48
Глава 5. Бездна у ног	63
Глава 6. Глубины сознания	80
Глава 7. Преступление	95
Глава 8. Вулканический лес	110
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Регина Райль

Плач синтетических сирен

Глава 1. Город пепла

Окна в архиве закрыты наглухо.

Когда они открывались в последний раз? Смотрю на поцарапанный и потемневший пластик рам, пытаюсь вспомнить. Но память отказывается помогать. По её мнению, они были закрыты всегда: чтобы не сдуло бумаги и потому, что циркуляцию воздуха и так обеспечит система кондиционирования. Здесь всегда свежо и приятно пахнет.

Задираю голову. Круговое помещение, заставленное шкафами с книгами и документами, уносится вверх на несколько этажей. Здесь обилие зелёных растений – плющ увивает стеллажи до пола. Невольно вспоминаю сады советника Вэна Гарта.

– Двенадцать-D-двадцать, – произношу местоположение нужных мне документов, и манипуляторы Экси тянутся вверх, аккуратно подцепляют толстую папку и выкладывают на тележку, где уже лежат несколько точно таких же. Едва не чихаю от поднявшейся пыли – двенадцатая полка на стеллаже D – самая верхняя. – Спасибо, вези вниз.

Экси – роботизированная система, которой оснащён архив. Это автоматика без голосового сопровождения, но я благодарю по привычке. Тележка едет по монорельсу вниз – к пункту обработки информации. Ставлю галочку в планшете и иду туда, где всю гудит сканер Юны. Подруга, как обычно, что-то мурлычет под нос и качает блондинистой головой – привыкла работать под музыку. И как не ошибается в названиях файлов? Моей работе всегда аккомпанирует только шум техники.

Здесь два больших аппарата. С их помощью мы оцифровываем и загружаем в хранилище бумажные документы. Пока спускаюсь, Экси уже перемещает папку в приёмник. Ставлю её на поток и запускаю сканирование с консоли. Оно закончится через двадцать минут, потом я посмотрю качество скан-копий, вручную введу названия и номера подразделений. На дальнейшую кодировку уйдёт пара часов, на сортировку и отправку в хранилище – ещё час. В день две-три папки, а их тут тысячи.

Поднимаю взгляд на ряды полок, где орудуют педантичные манипуляторы, расставляя стопки по номерам, чтобы проще было искать. Юна называет робота перфекционистом и часто шутит над ним, пробегаясь по этажу и меняя ровную постановку книг. А потом со смехом наблюдает, как Экси тянется восстанавливать порядок.

Мы с подругой стоим спинами друг к другу, поэтому я вздрагиваю, когда она резко выныривает из-за плеча:

– Я – всё! Тебе ещё много? Скоро обед.

– Только начала.

Юна хочет сказать ещё что-то, но тут тёмно-фиолетовый камень в её серьге-гвоздике начинает мерцать, и девушка хватается за ухо.

Это не простое украшение. Месторождение минерала открыли после взрыва кальдеры и обнаружили, что он способен настраиваться на нейронные потоки головного мозга. Телевышек в городе нет, а внутренняя связь на частотах кристаллов – круглосуточна и быстра. Серьги носят все горожане без исключения, получая на них новости. Вызов осуществляется через поисковую сеть Сирен. А металлом кристаллы обрамили для удобства.

– Поняла, сейчас буду, – подруга отпускает мочку и поворачивается. – Йбрди вызывает, хочет дать поручение, – она закатывает глаза и вздыхает: – Только собралась расслабиться!

– Закон подлости, – сочувствую я. – Иди, не заставляй шефа ждать. Я тогда пройду верхней тропой, загляну к Лэмёу и Ласко.

– Привет близнецам! Я побежала! – Юна скрывается за дверью быстрее, чем договаривает фразу, а я снова ныряю в работу.

Едва не пропускаю оповещение от Сирен: «Добрый день. В Синдерсити час дня. Прослушайте прогноз погоды. В час десять – дождь, советуем захватить зонт. В час тридцать –

солнечно. Приятного аппетита».

Программирую, чтобы аппарат отключился, когда закончит сканировать, и тороплюсь. Нижняя тропа защищена прозрачным навесом, и в столовую можно дойти по крытому коридору. Я же собралась по верхней, где крыша – это небо. Зонт не взяла, а мокнуть не хочется, поэтому бегу. Залетаю на этаж столовой в девять минут второго, вся запыхавшаяся – скверный из меня спринтер. Через минуту начинается дождь – расписание Сирен всегда точное. Смотрю, как струи хлещут в окно, а тёмно-коричневые каменные ступени темнеют от воды. Заодно и дыхание успокоится, а сердце сбавит бег.

Голод усиливается, как только ароматы еды пробираются в ноздри. Сглатываю слюну, пристраиваюсь в хвост очереди и жду, когда человеческая змея доползёт до раздачи. Получаю свой стандартный набор: первое, второе, салат, чай и булочку. Еда всегда вкусная, овощи свежие, только с грядок, фрукты сочные, а выпечка сдобная.

Управляюсь с обедом как раз к часу тридцати. Когда выхожу на улицу, уже светит солнце, но оно искусственное. Настоящее где-то там – за стеной пепла и облаком не оседающей пыли, а погоду задают Сирены, они же и дарят нам свет.

Ступени ещё мокрые, а воздух посвежел – мощности машин хватает проветрить весь Синдерсити. Прикрываю глаза козырьком ладони, но яркий свет слепит, отражаясь от пузатого серебристого бока Сирены, зависшей над городом. Так

назывался протокол системы, а жители приурочили название к самим кораблям. Их пять, они огромны и похожи на дирижабли старых образцов. Внутри – сложная электроника, доступ наверх есть у механиков и конструкторов сознания в дни ревизий и в экстренных случаях. Но чрезвычайных ситуаций не бывает. Алгоритмы прописывают с земли, их проверяет главный конструктор и сын градоначальника – Нио Миллрэт. В его навыках никто не сомневается.

Влияние Сирен распространяется на все сферы жизни, но это не навязчивый контроль, а заботливое вмешательство. Они спасли нас от гибели, мы живы только благодаря им. Связаться с другими странами нет возможности – на континенте пепел не оседает, туман не рассеивается, вулкан продолжает извергаться, и сигнал не проходит. Мы не уверены, остался ли кто живой на планете – из-за взрыва проснулись другие вулканы, начался Апокалипсис. Выходить из Синдерсити – плохая затея. Пыль тут же забьёт лёгкие, но опасность даже не в этом – ни один человек не выдержит предельно низких температур.

Иду по ступеням, поднимаюсь выше крыш – там разбиты уголья главного садовника Совета Трёх. Вэн отвечает за всё, что растёт и цветёт в городе.

Тропа сужается. Розовый кустарник тянется на дорогу, подталкивая меня к стене. Бутоны распускаются алыми бляшками, в каждом по три спирали – Гарт любит экспериментировать. На ощупь лепестки как вельвет, и аромат такой

дивный! Чем выше я поднимаюсь, тем он сильнее. Прimesиваются как сладкие медовые, так и горькие запахи, голова от них как в дурмане. Бережно отвожу колючие ветви, чтобы пройти, спиной почти обтираюсь о шершавые кирпичи. Они подогнаны неплотно и местами сколоты, в щели и стыки с лестницей пробивается трава. Эта неаккуратная уютность привлекает.

Офисное здание остаётся позади: две башни с площадкой, где каждый уровень соединён с другими зданиями системой переходов. Моё рабочее место – на одном из нижних этажей, поэтому спешу, боюсь не успеть до конца обеда. Добираюсь до верха и учащённо дышу, слушая стук сердца в ушах. Бросаю взгляд с высоты. Домá выросли как лес, многочисленные коньки крыш серебрятся в лучах искусственного солнца. Перекрытия старого моста отражают свет. Отсюда виден даже особняк градоначальника, а если вглядеться, можно увидеть вдали стену пепла, но Сирены сегодня светят ярче обычного – больно поднимать взгляд к силовому куполу.

Дорога, выложенная светлым камнем, разветвляется в цветник и в сады. Здесь так много зелени, несмотря на то, что за Синдерсити – смерть и опустошение. Я благодарна, что Сирены спасли нас, а Совет старается во благо людей.

Поворачиваю в сады. Ноги в босоножках уже запачкались. Кто самый неуклюжий? Конечно, Элия Зарм. Друзей я узнаю издали по серебристым головам. Высокие и субтильные близнецы удобряют саженцы питательными веще-

ствами. Вэн в публичных заявлениях всегда хвалит парней, а мы с Юной обожаем их за чувство юмора и находчивость. Казалось бы, какие развлечения можно придумать в Синдерсити? Но с ребятами никогда не скучно. Они замечательные, милые и добрые.

Подхожу ближе. В контрасте с тёмно-синими комбинезонами и чёрными фартуками их белоснежная кожа будто сверкает. Я здороваюсь, и они оборачиваются как по команде.

Как бы ни были похожи близнецы, всё равно есть различия и в характере, и во внешности. Лэмей старше на несколько минут, он серьёзнее и молчаливее, а Ласко – смешливее и раскрепощеннее. Старший зачёсывает чёлку на левый бок, а младший – на правый, но когда они меняют причёски, я путаюсь. А вот Юна безошибочно отличает их.

Разговор получается коротким: парни заняты – прививают новый гибрид, выведенный в лабораториях. Успеваю передать привет от подруги и узнать, что вечером не получится встретиться. У нас есть место, где мы чаще всего зависаем – превосходная обзорная площадка, и знаем о ней только мы. Обычно мы торчим там до отбоя.

Ласко сначала пытается опрыскать меня из пульверизатора, потом прижать к запачканному землёй фартуку, а Лэмей чуть не подрезает мне волосы садовыми ножницами. Я возмущаюсь, потому что они у меня и так короткие, даже до плеч не доходят. Каштановые, они кажутся чёрными, в срав-

нении со светлыми шевелюрами близнецов. Решаю больше не отвлекать парней и прощаюсь.

Наверное, лучше спуститься с другой стороны – лестница там шире и ровнее, я не рискую скатиться с мокрых ступеней. От сладкого аромата меня уже мутит. И что Вэн добавляет в смеси, что цветки долго не вянут и сильно пахнут? Вряд ли я когда-нибудь узнаю, а даже если, то всё равно не пойму – не разбираюсь в ботанике.

В поле зрения появляется группа мужчин, идущих мне навстречу. С удивлением замечаю среди них Нио Миллрэта. Немного боязно пересекаться, но некрасиво будет свернуть с пути перед их носом. Вся сжимаюсь внутри – никогда не видела сына градоначальника так близко. Юна обзавидуется, когда расскажу, – она давно по нему сохнет. Что он тут делает? Тоже гуляет на обеде? Удивляться нечему: сады, пожалуй, самое красивое место в городе, сюда одно удовольствие приходить. Не беру в расчёт нашу обзорную площадку.

Между их группой и мной – тридцать футов. Они идут неспешно, общаются и шутят, а я невольно засматриваюсь на Нио – промеж друзей он самый крупный и мускулистый. Я среднего роста, несильно худая, но рядом с ним покажусь миниатюрной. Честно говоря, никогда не думала о нём, как о привлекательном мужчине, но сейчас не могу не отметить приятные черты. Ему двадцать пять, он старше меня на четыре года.

На меня Миллрэт не смотрит, всё внимание приковано к

коллегам. Верно, к чему такому как он замечать меня? А я, напротив, не могу оторвать от него взгляда. Дико интригующая личность. Я будто встретила знаменитость, только автограф мне не нужен. О Нио я знаю немного, и то по слухам. Говорят, он вспыльчивый и заносчивый, сейчас же вижу добродушного молодого мужчину, и всё, что наболтали злые языки, тает как дым.

Воздушные потоки прокатываются по крыше и кидают волосы мне на лицо. Благодарю Сирен за возможность отвести взгляд, когда группа проходит мимо. Убираю пряди за уши, пропускаю мужчин – Нио идёт так целенаправленно, что опасаясь, как бы ни сбил. Толчка его плеча хватит, чтобы я полетела на землю. Отступаю в траву, но ноги вдруг цепляются за что-то, и прямо из-под подошв вырывается водный поток. Неуклюжесть родилась раньше меня – я нечаянно наступила на автоматическую поливалку и забрызгала низ платья. Отпрыгиваю от установки, красная от стыда – неужели встреча с главным конструктором внесла такой сумбур в мои мысли?

Поднимаю взгляд... и обмираю. То, что вижу, страшнее промокшего подола – вода попала и на мужчин тоже. Нио проходил ближе всех, и сейчас он мокрый с головы до ног, а струи поливают его сверху. Кошмар! Сглатываю, а ноги сами идут назад – перестаю ими управлять, когда окунаюсь в стужу голубых глаз Миллрэта. Но лёд в них мгновенно тает от вспыхнувшего пламени ярости.

– Что ты наделала? – гремит его голос, и я едва не оседаю на землю.

Продолжаю отступать, а он устремляется ко мне. Страх ускоряет сердце, и оно стуком рвёт виски. Нио в секунду преодолевает разделяющее нас расстояние, хватает меня за плечи и толкает к стене ближайшего здания. Мокрая рубашка натягивается на крепких руках. Его плечи толщиной, наверное, с мои бедра. Никогда не видела ничего подобного. Силы на меня сын градоначальника не пожалел – я с размаху врезаюсь в стену и сдавленно вскрикиваю от боли. Он нависает тенью, а я в испуге задираю голову.

Вода капает с завитков его коротких волос. Сама ночь поделилась с ними чернотой. Тонкие струйки стекают по рельефному лицу, скатываются с ямочки на заросшем щетиной подбородке, на светлой рубашке расползаются мокрые пятна. Снова ныряю в глаза и чуть не задыхаюсь от кипучей злости в их глубинах. Через секунду она хлынет на меня. Боль пульсирует, сверлит дыры в теле, ноги отказывают, и я повисаю на руках Нио.

– Прости, пожалуйста, – лепечу в оправдание, но он перебивает:

– Слепая что ли? Не видишь, куда прёшь?

Его ладони жгут, как лава в вулканической кальдере. Платье промокает под его пальцами. Что мне делать? Реакция Миллрэта на досадную случайность ужасает. Почему он так разозлился? Подумаешь, облила водой, это же мелочь. Но

я совсем его не знаю. Может, слухи правдивы, и подобная агрессия в его природе. На мою беду, наши пути пересеклись. Жаль, что Сирены не умеют крутить время назад, я пошла бы другой дорогой, и пусть опоздала на работу, зато не встретила с Нио. Всего несколько секунд назад он улыбался! И вдруг такая перемена. Грядёт расплата. Что он мне придумает?

Он сдавливал мои плечи так сильно, что, кажется, сейчас скомкает как исписанный бумажный лист и выбросит. Верно, ведь, по его мнению, я – мусор. Это задевает.

Раздражение придаёт мне сил, толкаю мужчину в грудь, но его мышцы такие твёрдые, словно я упираюсь в стену.

– Я не хотела, это случайность. Пусти! – хочу освободиться, но он держит меня без усилий.

Друзья Нио пытаются успокоить его. И неожиданно мужчина ослабляет хватку, а потом и вовсе отпускает меня. Прохладный воздух лижет мокрые плечи, по телу проходит липкая дрожь. Миллрэт хватается за голову и трёт лоб. Перестанет обращать на меня внимание и отворачивается. Он снова непробиваемый. Да что с ним такое?

– Сирены... – хрипит он и сдавливает ладонью висок. – Сбой.... Срочно проверить.

Мужчины кивают, и вся группа уносится с крыши быстрее, чем я успеваю подумать о побеге. Ни угроз, ни извинений. Никто даже не оглядывается. Остаюсь одна и цепенею от непонимания и радости: я только что избежала наказания.

Не знаю, сколько бы ещё так стояла, но на кристалл приходит сообщение о конце обеда, и я срываюсь с места. Лечу по ступеням вниз, ногам возвращается подвижность, скованность отступает. Забегаю в архив с опозданием в пять минут. Челюсть у Юны отвисает, когда она видит меня ошарашенную, грязную и мокрую.

Выкладываю всё, как на духу.

Подруга округляет глаза и жалеет, что не видела, как я облила водой сына градоначальника. Она хохочет, но в глазах читается зависть. Не понимаю чему – я прилюдно опозорилась. Хотя влюбленная девушка на моём месте нашла бы чем восхититься.

Хорошо, что в архиве у меня есть кое-какая одежда. Переодеваюсь в сухое, расчесываюсь и приступаю к работе. Но мерное гудение сканера не возвращает мыслям нужную направленность: я раздражена и обижена, а ещё не могу перестать думать о странном поведении главного конструктора. Да, я обычная служащая в компании его отца, а он – большая шишка, без него не было бы Сирен, но это не повод кидаться на людей!

Наверное, надо проглотить обиду, Миллрэту позвоительно так себя вести. Забудет ли он об инциденте или примет меры? И что там случилось с машинами? Я заинтригована. Но мне никогда не узнать.

Дорабатываю смену как в прострации, надеюсь, что не наделала ошибок, а то завтра влетит от Йорди. Домой иду как

во сне, родителям ничего не рассказываю – не хочу беспокоить их без серьёзных причин. Может, ещё обойдётся.

Занимаюсь домашними делами, но постоянно отвлекаюсь – мысли, хоть убей, возвращаются к событиям дня. Время до вечера тянется долго, но вот наступает десять часов, Сирены передают отбой и пускают усыпляющую смесь через вентиляционные полосы над плинтусом. Белый газ безвреден и хорошо успокаивает нервную систему. Всего пара вдохов и через пятнадцать минут смотришь цветные сны.

Это не строгая мера, а мягкое воздействие. Комендантского часа нет, в государственные учреждения, ночные бары и клубы смесь не подают, только в жилые дома и мотели. Не хочешь спать – не дыши, и на следующий день не будет ломки. Но если рестриктеры встретят на улице, то обязательно дознаются, кто ты и куда идёшь. Близнецов однажды конвой сопровождал домой, а я никогда не выходила так поздно.

Откладываю книгу, расслабляюсь, делаю несколько глубоких вдохов. Газ не пахнет, но в этот раз чувствуется сладость. Мерещится, наверное. Ещё бы, надышалась ароматами роз в садах. Закрываю глаза, успокаиваюсь, гоню всё лишнее из головы.

Понимаю, что что-то не так, когда холодеют руки. Ледяная волна проходит покалыванием по спине и груди, а ноги опалает жар. Голова кружится, а тело слабеет так, что не могу его контролировать. Никогда прежде не было такого. Что происходит?

Пламя и стужа встречаются в животе мощным взрывом боли. Меня тошнит, горло сдавливает, комната резко взлетает вверх.

Теряю сознание.

Глава 2. Загадка диагноза

Первым возвращается слух. Но звуки вязкие и тягучие. Слюна застревает в горле, горькая – видимо, давали какие-то лекарства. Пытаюсь пошевелиться и чувствую прохладную ткань. Открываю глаза, но лишь для того, чтобы снова закрыть – яркий свет ослепляет, а потолок над головой сверкает белизной. Он состоит из плиток, у нас дома не такой. А ещё у кровати полог на кольцах со светлой занавеской. Как в больнице.

Как я сюда попала? Потеряла сознание, больше ничего не помню. Прислушиваюсь к голосам. Их несколько: мужские и женские вперемешку, все незнакомые. Снова открываю глаза и медленно поворачиваю голову. Врач в белом халате и медсестра стоят у соседней койки спиной ко мне. Нежно-розовая форма на полноватой женщине выглядит нелепо, но порядки есть порядки.

Пока они заняты другим пациентом и не обращают на меня внимания, я сажусь. Удаётся легко, голова не кружится. На мне надето бледно-зелёное больничное платье. Занавеска собрана гармошкой у ног. Больше в палате никого. Интересно, который час? Судя по черноте за окнами – глухая ночь. Значит, меня привезли сразу после реакции на газ. Позвать врача или ждать, пока освободится?

Но долго гадать не приходится – сестра замечает, что я пришла в себя, и трогает мужчину за рукав. Тот ловит её взгляд и оборачивается.

А я в это время вижу того, с кем они разговаривали: чёрные кудри на высоком лбу, безмятежный взгляд голубых глаз, незабываемая ямочка на подбородке. Тоже в больничной форме. Понимаю, почему меня все покинули – сын градоначальника в приоритете.

Что он здесь делает? Да ещё в общей палате. С виду здоров, только бледен.

Не успеваю развить мысль – врач с вежливой улыбкой подходит ко мне, интересуется самочувствием. Теперь ажиотаж возле моей койки: медсестра берёт кровь на анализ, мерит температуру, доктор проверяет реакции, смотрит глаза и уши.

– Доктор, почему я упала в обморок?

– Элия, я пока не могу сказать точно, – мужчина отвечает уклончиво, – нужно провести обследование. Может, вы переутомились?

– Не думаю, самый обычный день. Я потеряла сознание, когда вдохнула газ. Он пах чем-то сладким.

Реплика привлекает всеобщее внимание: медсестра поднимает голову, Нио тоже поворачивается ко мне.

– Невозможно, дорогая, у газа нет запаха, – улыбается мне женщина и смотрит с сочувствием, будто у меня что-то с головой.

Может, и правда рецепторы повредились? Ведь я и сама знаю, что газ не пахнет.

– Не волнуйтесь, мы обязательно узнаем причину такой реакции, – врач что-то отмечает в электронном скетчпаде, и я непроизвольно вытягиваю шею, чтобы посмотреть. Успеваю заметить своё фото и заполненные строки медкарты, когда он опускает устройство. – Не будем откладывать, запущу аппарат и приглашу вас, – они с сестрой покидают палату.

Тишина обволакивает, вяжет слух. Пока говорила с врачом, не смотрела на Нио, а стоило остаться наедине – ощутила неловкость. Сегодняшняя встреча встаёт перед глазами. Видеться дважды за сутки – не слишком ли часто? Мне извиниться или сделать вид, что не узнала главного конструктора? Пока размышляю, он первый обращается ко мне:

– Тебя зовут Элия? – Наверное, услышал имя. Я киваю. – Это не больно.

Я слишком удивлена, чтобы ответить. Хлопаю глазами как кукла. Наверное, я смешная, потому что мужчина улыбается и поясняет:

– Процедура, о которой говорил доктор – это томограмма и рентген в разных проекциях. Резать не будут, не бойся.

Несложно догадаться, что мне страшно, да? Врач ничего не объяснил, в больницах мне некомфортно, а после слов Миллрэта становится спокойнее.

– Спасибо, Нио, – нет смысла скрывать, что знаю его.

Он улыбается шире, и моя хмурость тоже разглаживается.

Становлюсь смелее. Запоздало вспоминаю о том, как выгляжу, и приглаживаю волосы. Они короткие и выются на концах, поэтому легко пушатся. Переодеть меня переодели, а причесали ли?

– Говоришь, тоже упала в обморок из-за газа? – спрашивает он.

– Тоже? – удивление возвращается. – Значит, и ты?

– Да, только запаха не чувствовал, просто вырубился с первым вдохом.

– Понятно, – я отворачиваюсь. Наверное, тоже думает, что я приврала про сладкий аромат. Но сейчас я и сама не уверена. Мало ли что почудилось за секунду до обморока.

На несколько мгновений повисает тишина. До сих пор не верится, что сын градоначальника здесь, и мы разговариваем, будто на обеде ничего не произошло. Но я так не могу, слишком неловко. Тихо вздыхаю и решаюсь.

– Нио, я должна извиниться за то, что на крыше облила тебя водой...

– Нет, о чём ты, – он перебивает, – это я вел себя по-хамски. Прости, пожалуйста, что нагрубил. Разболелась голова, потому что нейросвязь перемкнуло.

Главный конструктор просит у меня прощения? Я в сознании или задремала? Хочется ущипнуть себя, чтобы проверить. Спокойно, Элия, это будет выглядеть невежливо.

– Всё в порядке, я не сержусь, – примирительно улыбаюсь. – А что с Сиренами случилось? – любопытство проры-

вається непроизвольно.

Каково это, когда твой мозг – коммутатор между человеческим разумом и машинным? В программировании сознания я ничего не смыслю, но мне жутко интересно. Может, удастся расспросить Нио, он вроде расположен к беседе. Будет что Юне рассказать.

От предвкушения ёрзаю и еле сдерживаюсь, чтобы не засыпать мужчину вопросами.

– Так до конца и не понял, честно говоря. Ушёл с крыши, и боль прошла. Проверка систем ничего не показала. Похоже, сбой случился только в моей голове, – Миллрэт усмехается, но я вижу, как он озадачен. – Завтра прогоню ещё раз.

Хочу спросить ещё что-нибудь, но тут возвращается врач и зовёт меня. Спускаю ноги с кровати. Чёрт, больничное платье слишком короткое – сверкаю ногами перед Нио. Зацепляю его взгляд и, чтобы не заметил, как краснею, быстро обувая тапочки и отворачиваюсь. Изо всех сил держусь, чтобы не потянуть платье вниз.

– Удачи, – говорит он мне вслед, а я благодарю в сторону, не оглядываясь.

Доктор выводит меня в полутёмный коридор. Навстречу попадаются медсёстры, санитары и дежурный врач. Он оглядывает меня с головы до ног, и я чувствую себя пришельцем, которого ведут на эксперименты. Сворачиваем за угол, мужчина открывает передо мной дверь кабинета. Света тут гораздо больше, и всё стерильно, едва не сверкает.

Тонкий запах свежести тянется в ноздри. Гладкий пол начищен так, что страшно ступить – подошва у тапочек скользкая, а я – неловкая, раскатаюсь как ковёр. Может, хватит с меня приключений, неприятностей и неожиданных встреч хоть на время?

Медленно вхожу и осматриваюсь. Томограф занимает всё пространство, за стеклянной перегородкой – компьютеры и диван, на стене – выключенный негатоскоп. Отделка, пол, потолок, мебель – всё белое. Лишь томограф выделяется серебристой полосой по кольцевой части. Доктор опускает ложемент и приглашает меня.

– Расслабьтесь, полежите спокойно. Может мешать шум, но потерпите пару минут.

Да ему бы психологом работать, с таким-то бесстрастным голосом. Мне не страшно, только волнительно. А ещё любопытно – прежде ни разу эту процедуру не проходила. Послушно ложусь и вытягиваюсь. Доктор крепит на меня датчики, и стол медленно поднимается и закатывается в томограф. Остаюсь наедине со своими мыслями.

Сердце бьётся гулко, и я делаю несколько глубоких вдохов, чтобы не портить результаты. Я просто в большом сканере, как на работе. Да и шум похож. Представляю себя документом, который Экси кладёт в аппарат, и тихо прыскаю. Зато скованность сразу проходит. Минут через пять перестаю думать вообще, просто лежу и слушаю жужжание.

И вот уже выезжаю в комнату. Доктор ещё за стеклом,

смотрит сразу в два монитора. Потом заканчивает и выходит с распечатанными снимками и скетчпадом – уже сбросил на него результаты, заполняет историю болезни. Не могу больше терпеть и спрашиваю:

– Что со мной? Что вы узнали?

Врач поднимает голову. Только сейчас замечаю, что у него зелёные глаза. Оттенок как у нас с папой. Больше сходства у мужчины с отцом нет – и волосы светлее, и комплекция другая. Почему я об этом думаю? Наверное, волнуюсь.

– Всё в порядке. Патологий нет. Посмотрите сами.

Доктор включает подсветку негатоскопа и крепит снимок. На нём – мои внутренности от мозга до брюшной полости. Откровенно говоря, не понимаю ничего и воспринимаю как издёвку. А ведь должна чувствовать облегчение. Одно точно ясно: органы на своих местах. Все врачи такие хладнокровные, или этому просто «повезло» возиться с нами в свою смену?

– Если всё хорошо, почему я потеряла сознание? – я нетерпелива, а он спокоен.

– Не переживали ли вы недавно стресс? Может, неприятности на работе или дома?

– Кхм, – вспоминаю нервное утро и делаю задумчивый вид. Но разве это могло спровоцировать обморок? – Может быть. А что?

– Уровень кортизола повышен, значит, была эмоциональная встряска. Однако, – он тыкает на срез головного мозга,

потом в район живота, – и гипофиз, и надпочечники в норме. Я посоветовал бы больше отдыхать и не перетруждать-ся, избегайте конфликтов. Дам вам два выходных дня, – снова карябает что-то в скетчпаде. – Сейчас посмотрим кровь. Давайте, вернёмся в палату. Прошу прощения, что поместили вас в общую. Вы оба поступили так неожиданно. Завтра утром главврач со всем разберётся.

– Всё нормально, – я неприхотлива, это Нио привычен к комфорту, чуть не выдаю, что доктору лучше спросить у него, но вовремя прикусываю язык.

Возвращаемся в палату. Миллрэт встречает нас улыбкой, как старых друзей. Среди холода больничных стен и безразличных лиц, его – единственное знакомое и приятное.

Приходит медсестра. Результаты анализов уже на скетчпаде. Врач просматривает их и что-то насвистывает себе под нос. А затем расплывается в поздравительной улыбке:

– Нет причин для беспокойства. Анализы замечательные, вы оба здоровы.

Казалось бы: всё обошлось, надо радоваться, а мне неспокойно. Я одна воспринимаю его заверения, как отмазки?

– А у кого-нибудь ещё было что-то похожее? – подозрения так и лезут.

– Действительно, доктор, – Нио внезапно поддерживает мой вопрос, и в этот момент чувствую себя чуть менее параноиком. В конце концов, мы по одну сторону. Только кто и почему нас туда определил? Пора выяснить. Заглянуть бы в

свою карту.

Перед тем как ответить, мужчина бросает короткий взгляд на медсестру.

– Да, были, но редко. С этими людьми сейчас всё в порядке. И с вами тоже будет. Не волнуйтесь.

– То есть, в следующий раз, газ усыпит меня как положено, без боли?

Врач снова переглядывается с женщиной, а я непроизвольно – с Нио. Он озадаченно поджимает губы.

– Конечно. Проблем больше не будет. Только так, как должно быть. Завтра мы вас выпишем, а сейчас отдыхайте. Сестра, сделайте пациентам укол снотворного.

– Это обязательно? – пытаюсь возразить, но мужчина пресекает строго:

– Да, организму нужен сон. Сестра, пожалуйста, укол, – говорит он с лёгким нажимом.

Женщина суетится. Время третий час ночи, доктор занят только нами, раздражён и устал. А кто хочет попасть под горячую руку? Не на пациентах же он будет срываться, тем более таких важных. Сначала сестра ставит инъекцию, конечно же, Миллрэту, потом мне.

Ладно, хоть посплю спокойно, и этот безумно долгий день кончится. Терплю укол в плечо и расслабляюсь. Всё-таки хорошо, что со мной всё нормально. Нет причин не верить доктору. Завтра я вернусь домой, и всё станет как прежде.

А это значит, что подобной встречи больше не повторит-

ся. Маленькое приключение для Элии закончится. Мнение о главном конструкторе поменялось несколько раз за сутки.

Медленно поворачиваю тяжелеющую голову к соседу. Его лицо тоже обращено ко мне, но глаза закрыты, дыхание ровное – уснул. Уже в полудреме смотрю на налитые силой руки и грудь. Забавный. Что толку от мускул, когда снотворное отключает как по щелчку пальцев? Едва успеваю додумать мысль, как веки опускаются.

* * *

И снова будят голоса. Всё те же, и на миг возвращается ощущение, что кто-то отмотал мгновения назад. Приподнимаю веки и понимаю, что прошло совсем немного времени, с момента как отключилась – Нио лежит в той же позе, свет ещё горит, врач и сестра здесь. С ними ещё один доктор – тот самый, который смотрел на меня как на гуманоида.

Но почему я не сплю? Мне же вкололи целую ампулу снотворного! Миллрэт тоже бодрствует – мы встречаемся удивлёнными взглядами.

Голоса врачей обретают чёткость, теперь это не просто шум, мешающий спать, а слова, обличённые во фразы. Но смысл... не верю своим ушам!

– Готовьте операционную. Начинаем немедленно.

– Да, как можно скорее. Сначала Элия, у неё проявление сильнее. Сестра, утром свяжитесь с её родителями, сообщите

те о смерти дочери.

– Поняла. А что сказать градоначальнику? – женщина мнётся.

– Деян Миллрэт сам установил правила, – злорадствует доктор. – Никаких особых условиях. Обоих на стол!

– Да ты его просто не любишь. Радуетесь, что он лишится наследника? – усмехается второй.

Меня шокирует, что они веселятся, обсуждая наши с Нио смерти. Или я всё-таки сплю? Ведь не могут они говорить о таком всерьёз!

– Но это неправильно. Он главный конструктор Сирен... – снова вступает сестра.

– Есть другие специалисты в этой области, – врач отмахивается, – и гораздо талантливее. Нет незаменимых, работа не встанет. Перестаньте мне перечить и выполняйте!

Смотрю на Нио и как в зеркале отражаюсь – у него такой же ошарашенный и непонимающий вид. Щипаю себя. Больно, значит, бодрствую. А мужчина находит другой способ проверить реальность: откидывает одеяло и спрыгивает на пол. Его широкая фигура занимает проход между нашими кроватями. Я выпрямляюсь как кукла на пружине.

– Что вы хотите утаить от отца? Какая ещё операция? – голос Миллрэта наливается силой.

Узнаю этот тон – прочувствовала на собственной шкуре. Я даже порадовалась бы, что негодование обращено на другого, если бы не была сбита с толку. Доктора и медсестра

вздрагивают и оборачиваются, переводя осоловелые глаза с Нио на меня и обратно.

– Э-э-э-э... Вы почему не спите? Сестра, вы сделали укол, как я велел?

– Д-да, – она в ещё большем шоке – снотворное по каким-то причинам не сработало. Женщина пятится к двери, но Нио обрывает резко:

– Стоять на месте! А вы, – кричит врачам, – сейчас всё расскажете!

От его голоса даже я вздрагиваю. Сползаю с постели и шарю ногами тапочки. Миллрэт смотрит холодно, с презрением и превосходством. Если я испугана, то он раздражён. Но непонимание и яростное желание разобраться у нас общее.

– Вы сказали, что мы здоровы. Зачем тогда сообщать родителям о... смерти? – обретаю голос, но он дрожит, зараза.

Самообладание к «нашему» доктору возвращается на удивление быстро. Он прищуривается и откладывает скетчпад на стеклянный столик. Подступает к рассерженному Нио, смотрит снизу вверх, но взглядом короля. Он тут хозяин, как ни крути.

– Вернитесь в постель, – пытается командовать врач, сразу отменяя доброжелательность. – Если откажетесь, я вызову охрану, – и никаких объяснений.

– Запугать хотите? – усмехается Нио. – Не получится! Мы всё слышали. Будете притворяться и дальше? Говорите правду или я сам узнаю, – он тянется к скетчпаду.

Доктор проворно хватает со стола шприц-ручку, выдвигает иглу и втыкает пациенту в бок. Но надавить на поршень не успевает – Миллрэт ударяет его по руке, и шприц застревает в животе. Медсестра вскрикивает и вылетает из палаты. Нио откидывает доктора назад, тот обрушивается спиной на столик и теряет сознание. Пробирки и посуда летят на пол, скетчпад откатывается под шкаф.

Второй врач нападает, пытаясь оглушить пациента. От мощных кулаков уворачивается, понимая: если пропустит, Нио вырубит его так же ловко, как незадачливого коллегу до этого. Они едва не сбивают меня с ног, когда я проскальзываю вдоль кровати.

Безумно хочу это прекратить! Всё пошло по неверному сценарию. Но что мне делать? Не кидаться же их разнимать, сил всё равно не хватит. И тут меня пронзает – скетчпад! Достану его и прочту наши карточки!

Пробегаю мимо дерущихся, приземляюсь на колени, тянусь за устройством, но щель слишком узкая – ладонь не лезет. Вскакиваю и толкаю шкаф, но он нагружен до нельзя – не поддаётся ни на дюйм. Сюда бы силу Нио, но он, мягко говоря, занят.

По коридору в нашу сторону кто-то бежит. А Миллрэт и врач ещё кружат по палате. Переступаю через поверженно-го доктора, стекло хрустит под подошвой тапок. А вот Нио босиком – не успел обуться. Если наступит на осколок... Мысль сбывается быстрее, чем успеваю додумать – мужчина

морщится от боли и заваливается на бок. Вовремя – кулак доктора таранит воздух. Нио не мешкает: ударяет противника в солнечное сплетение и отталкивает в сторону. Врач ударяется о столбик кровати. Повержен.

Подбегаю и помогаю Миллрэту подняться. Шприц всё ещё в теле. Воткнул неаккуратно – на ткани отпечатались капли крови. Мелькает мысль: надавить на поршень и впрыснуть препарат. И всё закончится.

Но узнаю ли я тогда правду? Может, я и поступила бы так, если бы врачи не напали, и я не слышала, какие ужасные планы они строили насчёт нас.

Подсознание шепчет, что сторону я уже выбрала, поэтому не колеблюсь: выдергиваю шприц и зажимаю в руке как оружие. Чувствую – решение верное. Миллрэт оборачивается и кивает с благодарностью. На лбу выступила испарина, глаза мутноваты – не знаю, что врач хотел вколоть, но частично препарат попал внутрь. Это беспокоит меня.

– Как ты себя чувствуешь? Как нога?

– Нормально. Царапина, – в моей поддержке он не нуждается и, не морщась, выковыривает кусочек стекла из стопы.

Через секунду на пороге появляются трое санитаров. Они оглядывают бардак, хмурятся на врачей в отключке и окружают нас.

– Не сопротивляйтесь. Будет только хуже.

– Тогда объясните, что происходит, – хочу решить всё мирно. – На какую операцию нас собирались везти? Почему

доктора́ напали?

– Вы ценные пациенты, мы должны вас защищать. Отойдите к стене.

– Ценные? – выплёвываю я с негодованием. Устала уже от бесстрастных ответов.

– Станный способ защиты, – усмехается Нио. – Они ничего не скажут. Сами узнаем, не волнуйся. Не достала скетчпад?

Он игнорирует враждебно настроенных санитаров и говорит со мной спокойно, будто в палате больше никого. Голова раскалывается от непонимания обострённой ситуации. Кожей чувствую, как накаляется обстановка.

– Не смогла, он застрял под шкафом.

– Тогда посмотрим в картотеке, в центральном компьютере регистратуры, – у Миллрэта такой грозный и решительный взгляд, что меня пронзает дрожь.

Он настроен серьёзно, и я подбираюсь, как перед прыжком. Мозг конструктора сознания работает быстро: в голове уже созрел план действия. И Нио приглашает меня присоединиться. Не задает вопрос устно, но так и читаю по глазам. Что мне остаётся? Во всей больнице могу доверять только ему. Я уже сделала выбор.

Киваю один раз медленно, но уверенно.

Глава 3. Отказ доступа

Регистратура налево в конце коридора. Без столкновения туда не добраться. Но снова начинаем не мы: два санитаря кидаются на Нио. Одного он укладывает кулаком в горло, второму заряжает коленом в живот. Больше ничего не успеваю увидеть – на меня бежит третий, и так резко дёргает за руку, что суставы пружинят. От боли на глаза выступают слёзы. Парень прижимает меня спиной к себе и предплечьем давит на горло.

– Стой спокойно и не будет больно, – слышу над ухом.

Хорошо вы тут обращаетесь с ценными пациентами. Можно и не пытаться вырваться – задушит, но не отпустит. Воздуха уже не хватает. Нужно что-то быстро придумать!

Да ведь у меня в руке шприц!

Металлический стержень нагрелся от тепла ладони. Выдвигаю иглу и всаживаю в предплечье мужчине, без колебаний давлю на поршень. Через пару секунд санитар разжимает удушающее объятье и падает на пол без сознания. А я кашляю и отпрыгиваю от него. Так быстро отключился? А вдруг я его убила? Вколола ему, даже не зная, что в ампуле. Отбрасываю шприц в сторону, будто это смертельно опасное оружие.

Кто-то снова хватается за руку. Это Нио. Со своей па-

рочкой разобрался и подроспел на помощь.

– Ты как? Нормально? Он что-нибудь сделал тебе?

– Не успел, – сглатываю я.

– Хорошо придумала, – он кивает на санитаря, которого я вырубила.

– Наверное, на адреналине.

– Он жив, просто в отключке, – отвечает Миллрэт. – В шприце был транквилизатор.

Видимо, я так ошарашено смотрю, что легко догадаться, о чём думаю. Как вовремя он с объяснениями. Я одна бы тут с ума сошла, а он так хладнокровно всё воспринимает. Если я начну думать, точно не сдвинусь с места, а бесстрашный напарник придаёт решимости.

– Пора уходить. Идём, – он тянет меня в коридор, и мы ныряем в полутьму, где тумбы и тележки с бельем прижимаются к стенам.

Нио прихрамывает, но порез не мешает ему. Влетаем в сверкающую белизной просторную регистратуру. Ряды стеллажей уносятся под потолок. За изогнутой стойкой – парень и девушка. Больше здесь никого.

– Элия, компьютер! А вы – отошли! Быстро! – командный голос сына градоначальника прокатывается по помещению.

– Вы не имеете права входить в базу! Мы сообщим рестриктерам, – возмущается парень, но Нио делает к нему всего шаг, и тот теряется.

Администраторы пугаются даже не крепких мышц, высо-

кого роста и королевской осанки, а жёсткого взгляда. Не хотелось бы стоять перед Нио – кажется, обратит в прах силой своего разума. И в это легко верится. Парочка больше не перечит – обоих сметает из регистратуры. А я бегу за стойку и склоняюсь над клавиатурой.

– Посмотрю, что в соседней комнате, – бросает напарник, а я уже стучу по кнопкам.

От волнения ошибаюсь в собственном имени. Со второй попытки база данных выдаёт мою карточку, но тут же выплзает баннер: «Конфиденциальная информация. Доступ по паролю». Взламывать я не умею, у Нио в этом больше опыта, зачем отправил меня?

Ответ очевиден – если на нас нападут, пока я рыщу в картотеке, он сможет меня защитить, а я его – нет.

Набираю имя Миллрэта, но результат тот же. Мало того, экран пульсирует красным, а кристаллы в ушах начинают вещать: «Попытка доступа к секретной информации в поликлинике. Кристаллы нарушителей заблокированы. Сигнал тревоги передан в участок. Оставайтесь на месте до прибытия рестриктеров».

На пороге тут же появляется Нио. Сообщение беспрестанно звучит в голове – понятно уже, что моя попытка влезть в базу провалилась. Смежная комната оказалась гардеробной, и мужчина надел брюки и ботинки, а сверху, прямо на больничную футболку, – чёрный плащ, но не по размеру: ткань натянулась на плечах, полы на широкой груди не сходятся.

Длиной как женская юбка – выше колена. Комично выглядит, но мне не до смеха.

– Чёрт! Твою мать! Что за хрень творится? – ругается Миллрэт, а потом выдёргивает из уха серьгу и давит ногой. – От своего кристалла тоже избавься, или нас по ним отслежат. Как чувствовал, что придётся делать ноги, – говорит он и бросает мне пиджак и туфли. – Надевай и пошли. Здесь оставаться нельзя.

Нелегко расстаться с единственным средством общения в Синдерсити. Как позвонить родителям без кристалла? Но вмешались рестриктеры, а это уже не шутки. Если нас поймают, то отдадут врачам. А что те хотят сделать, мы без понятия. Да и транслируемое сообщение всё заблокировало. Надеюсь, мы найдём другой способ связаться с близкими.

Всё, что происходит вокруг, как плохое кино. И мы вовлечены в сюжет. Но я не актриса и на главную роль не подписывалась. Разбиваю кристалл в крошки. Без пререканий скидываю тапки. У туфель, которые принёс Нио, низкий каблук и маленький размер, а вот пиджак большой, из рукавов торчат только кончики пальцев.

На пороге появляется вторая волна санитаров. Эти вооружены лучше – пистолетами с транквилизаторами и шокерами. Но теперь мы нападаем первыми. Сначала вперёд бросается Нио, затем я. Когда он рядом, я становлюсь смелее, будто синхронизируюсь с нейроимпульсами его мозга. Ещё не решила, нравится мне это или нет, но влияние однознач-

но хорошее – бесстрашие не согласуется с паникой, и шансы выжить повышаются.

Хватаю со стойки увесистый журнал, замахиваюсь и выбиваю пистолет из рук ближайшего санитаря. Оружие катится по полу, но журнал у меня выдирают, а я, схлопотав по лицу, лечу на пол. Секунда героизма закончилась.

Какой чёрт понёс меня тягаться с мужчиной?

Плывать, что платье короткое – пока потухают сыплющие из глаз искры, голыми коленями по холодному полу ползу за стойку так быстро, как могу. Не вижу, что происходит, но слышу удары кулаков и треск шокера – Нио остался один с несколькими санитарями. Не успела сосчитать сколько их. Кажется, план побега провалился.

Из-под стойки ныряю в коридор между стеллажами, встаю и бегу по нему до конца. За мной – двое. Один стреляет шокером, и электроды почти дотягиваются, но я рывком цепляюсь за полку и ухожу в следующий проход. От тряски сверху сыплются журналы и папки. Свалить бы шкаф, да перекрыть путь, но он слишком тяжёл.

Зато слышу мерное жужжание механизма, и меня осеняет. Теперь бегу, нарочно скидывая всё с полок. И меньшего беспорядка хватило бы, чтобы Экси потянулась прибираться. Манипуляторы вырастают сразу и с пола, и с потолка, потому что погром большой. Бегу так быстро, что едва не получаю от одного по лбу, но вовремя уворачиваюсь. Относительно санитаров я невысокая и худая, поэтому легко пролезаю меж-

ду «руками» Экси, а вот мужчины застревают и чертыхаются мне в спину.

Раздаётся щелчок, и в книгу справа вонзается дротик транквилизатора. Это было близко. Хорошо, что промахнулись.

Несусь на звук драки, оглядываю полки, чтобы схватить что-нибудь увесистое, но тут сплошь тонкие папки. Поворот – и я в зале. Нио дерётся с санитаром, а в шаге от меня, сплевывая кровь, с пола встает мужчина и целится в Миллрэта. Я у него за спиной, а Нио слишком занят, чтобы смотреть по сторонам. Кажется, я подросла вовремя.

Подскакиваю и со всей силы пинаю санитаря под колено. Правда, он всё равно успевает выпустить дротик, но, к счастью, тот летит мимо. Выбиваю пистолет из рук и наваливаюсь на мужчину, но веса не хватает, и он без труда откидывает меня спиной на полки. Падаю на пол, ударившись всем, чем можно, и меня присыпает бумагами.

Пока выбираюсь из-под вороха папок, санитар уже нависает надо мной, но вдруг вздрагивает, падает на живот и бьётся в конвульсиях, а из спины у него торчат два электрода. Мы с Нио по очереди выручаем друг друга.

– Эй, ты как? – он отбрасывает шокер и протягивает мне руку.

Плащ уже порван по шву на плече. На зеленоватой футболке брызги крови, на лице и костяшках пальцев – ссадины. Но это совсем не уродует его. Героические отметины.

– Я в порядке, – тянусь к нему, но принять руку не успеваю. Два санитара – те самые, что гнались за мной, – выбегают из прохода. Зараза, быстро же они разобрались с манипуляторами. – Нио, сзади!

Но он уже и сам видит угрозу. Технично и быстро ударяет одного в грудь, затем головой в лицо. Морщусь от неприятного хруста. Второго мужчину Нио отбрасывает в коридор стеллажей и скрывается из виду. Слышны только вскрики боли, а когда Миллрэт появляется снова, я уже на ногах. В данный момент больше никто не посягает на нашу свободу. Но система уже вызвала рестриктеров, поэтому передышка короткая.

– Элия, уходим! – мужчина тянет меня в гардероб, а там – к окну.

Распахивает створки и прыгает вниз. Этаж первый, но я медлю, и Нио меня торопит:

– Скорее! Дай руку!

С поддержкой легче забраться на подоконник. Упираюсь в плечи Миллрэта, но он уже сам подхватывает меня и вытаскивает на улицу. Прижимает крепко, но бережно. Деликатная сила объятий. На короткий миг меня обдаёт жаром его тела, а потом ноги получают опору.

– Спасибо, – лепечу в ответ.

Как глупо! Через такие страшные вещи прошла, а стоило коснуться мужчины – заробела. Но мысли исчезают, когда вдали слышится сирена – это рестриктеры едут по нашу ду-

шу. Ещё и несколько машин – вот это размах. Сутки назад ты была никому не нужна, Элия, а сегодня врачи поликлиники и власти города открывают на тебя охоту.

– Бежим! – выкрикивает Нио, и мы утопаем в зелени кустов.

Мчим пустынными переулками, пока сирены позади не захлёбываются пустотой улиц. Ночь снова тихая, но напряжённая. Я уже выдохлась, ещё чуть-чуть и силы кончатся. Медленно, но верно отстаю.

– Нио! Куда мы? – останавливаюсь, чтобы отдышаться.

– Не знаю, – его грудная клетка ходит ходуном. – Надо найти, где переждать ночь, – он поджимает губы и сдвигает брови.

Я оборачиваюсь. Где бы спрятаться до утра? Жёлтый ромб указателя на перекрестке сообщает, что мы в Северной зоне. А значит...

– Есть идея, – говорю я. – Сюда, здесь недалеко.

Передышке конец: снова бежим, но теперь легче – улица идёт под уклон. Жилые дома здесь редки, небольшой лесок и заброшенная стройка – вот декорации для обзорной площадки, на которой мы зависаем с Юной и близнецами. Только мы знаем об этом месте. Как удачно мы с Нио оказались поблизости.

Тропа петляет в густых кустах, мелкие колючки цепляются за одежду, царапают голые ноги. Иду вверх по склону, показываю дорогу. Вдруг слышу за спиной окрик. Мужчина от-

стал, мало того – привалился к сломанной стене и склонил голову. Сбегаю к нему узнать, в чём дело. Взгляд Нио помутнел, на лбу выступил пот.

– Что случилось? Тебе плохо?

– Сознание сейчас... отключится, – говорит как истинный конструктор, перекачивает слова во рту с огромным усилием.

Он плотно смыкает веки, а затем быстро моргает и трёт бок, куда врач воткнул шприц. Чёрт, значит, частично транквилизатор попал внутрь. Препарат сильный – санитару вырубил за секунды. Как Миллрэт ещё держится? По спине холодом прокатывается страх. Если он упадёт в обморок здесь и сейчас – беда! – я его не дотащу.

– Уже близко, потерпи, пожалуйста! Вот только подняться осталось! Там нас никто не увидит, спокойно переждём ночь. Я помогу, – обхватываю его спину, но сдвинуть с места не в силах. Если сам не будет идти – всё пропало.

Нию кивает и отгалкивается от стены. Его качает, и меня вместе с ним. Чёртовы врачи! Пусть летят в пропасть со своими экспериментами!

Вцепляюсь в мужчину изо всех сил и волоку вверх. Он держится за меня, старается не опираться сильно, но уже едва переставляет ноги. Кажется, ещё шаг – оба улетим в кусты и покатаемся до самого низа. Перспектива меня не прельщает, поэтому упорно толкаю его вперёд, пока, наконец, не переступаем через подножку разбитого кирпича, белоснеж-

ным гребнем окаймляющую круглую площадку.

Вот и ровная поверхность. Под ногами – асфальт, усеянный каменным крошевом.

– Ты молодец! – вздыхаю с облегчением и тащу Нио к стене.

Но он уже не слышит – теряет сознание. Медленно сползает, а я проседаю под его весом. Не удержу, куда мне. Хоть бы головой не стукнулся. Обдираю тыльные стороны ладоней, ударяюсь лопаткой, бедром, да всем на свете. Спина вспоминает удар о стеллаж и заставляет сморщиться.

Опускаю голову Миллрэта на асфальт, выпутываю из-под него застрявшую ногу, перекаत्याю мужчину на спину и сажусь рядом. Подтягиваю платье, чтобы не сесть голой задницей на кирпич. Голени в царапинах от колючек, на пиджаке – белая пыль. Она везде – подняли шагами. Стряхиваю её с волос Нио, не могу удержаться – слишком чуждо смотрится на чёрных кудрях. Дую на ободранные кисти и слушаю, как шумит ветер, гонимый Сиренами. Здесь только он и мы. Можно выдохнуть – от погони ушли.

Но вместо спокойствия меня накрывает нервная дрожь. Неизвестно, когда мужчина придёт в себя. А мне что делать? Сидеть и ждать, пока он очнётся? Без кристаллов нет связи – мы отрезаны от родных. До моего дома далеко, доберусь за час, а если бегом, то быстрее.

Но... Закусываю губу. Я ведь не могу бросить Нио! Как оставлю его тут одного? Это будет нечестно, бесчеловечно!

Он столько раз выручал меня сегодня, рисковал собой. Без него меня схватили бы. Похоже, сейчас самое безопасное место в городе – рядом с ним.

Значит, вместе надо решать, что делать дальше.

Встаю и отряхиваюсь, кружу по площадке, смотрю на Синдерсити. Отсюда отличный вид ранним вечером – видны макушки зданий, а вдали – стена пепла. Сейчас в темноте мерцают редкие огни города и тускло светятся Сирены. С тоской смотрю на одну из них.

Как круто может поменяться жизнь. Сутки назад всё было хорошо, а сейчас – непонятно и странно. И как прежде уже не будет. Вспоминаю, как думала об этом угасающим от сновтворного сознанием, переживала, что больше не увижу Нио. Вот, пожалуйста, лежит здесь, любуйся, сколько хочешь. Перевожу на него взгляд и вздыхаю.

Внезапная вспышка боли валит меня с ног, обломок кирпича впивается в бедро, но мне не до этого – голова пульсирует, точно металлическая нить пилит мозг. Перед глазами всё плывёт, фокус пляшет, тру виски, едва сдерживая стон. Клонюсь вниз, касаясь головой асфальта. Нет сил терпеть...

Безумие прекращается так же быстро, как началось. Дышу часто, сердце недовольно колотит в ребра. Стираю пот с лица, преследую отголоски боли, но она схлынула полностью, будто и не было. Запоздало вспоминаю рекомендацию врача не подвергать себя стрессу. Только сам же и подверг. И почему мне транквилизатор не подарил забытье, как Нио?

Даже завидую. Что это было? Что со мной происходит?

Мне страшно, что приступ повторится. Подползаю к Миллрэту. Глупо, знаю, но рядом с ним я смелее. Укладываюсь возле него и прижимаюсь спиной к тёплому боку. Опускаю на руку тяжёлую голову и закрываю глаза. Хочу сжаться до размера пылинки, улететь с завесой пепла, стать дыханием тумана.

Думаю об этом, пока не засыпаю.

* * *

Просыпаюсь оттого, что меня кто-то тормозит за плечо и зовёт по имени. От тихого голоса накатывает безмятежность. Но стоит увидеть заваленную обломками площадку и белую пыль на рукаве, как сразу всё вспоминаю.

Я лежу на боку. Перекатываюсь на спину и упираюсь в широкую грудь Нио. Он склонился надо мной, лицо бледное, голубые глаза глядят с беспокойством.

– Извини, что разбудил. Наверное, уже пора...

– Правильно сделал, спасибо, – без кристаллов мы не знаем время. Ясно одно: уже день – Сирены щедро льют свет на макушку. Отодвигаюсь от Миллрэта и сажусь. – Как ты?

– Нормально. Я вырубился, да? Смутно всё помню. Ладно, хоть подняться успели. Намучилась со мной? – он выглядит виноватым.

Теперь ни за что не поверю тем, кто будет про него зло-

словить. Вспышку ярости Нио объяснил сбоем в Сиренах, во всем остальном – приятный молодой мужчина. На грубость и драку его вынудили, а за командный голос надо благодарить должность.

– Нет, всё хорошо, – мне не сдержат улыбки. – Не переживай. Главное, нас не нашли.

– Что это за место? Никогда тут не был, – Нио встаёт и оглядывается. – Ого, а стоило бы! Прекрасные виды! – он восхищённо смотрит вдаль.

– Мы с друзьями случайно нашли эту площадку, когда гуляли.

– В Северной-то зоне? Занятно, – усмехается мужчина, а я ощущаю тянущее чувство в груди – доверила наш секрет незнакомому человеку. Что скажет Юна и близнецы? Я думаю о Миллрэте хорошо, но не ошиблась ли? Он сын начальника города, а кто я? Но мимолетный страх сбегает, получив осязательного пинка, когда Нио продолжает:

– Хорошо вам. Мне никогда времени на прогулки не хватает. Издержки профессии.

Встаю возле него, смотрю на нестройные ряды крыш, перемежаемые высотками и зелёными насаждениями. Вдали сады и металлический мост – наш офис. Левее – башни дома градоначальника, а мой отсюда не видно.

Если спереди цивилизация, то за спиной – запустение. Чёткой границы у города нет: лес зарастает гуще, сплетается в непроходимую чащу. Там, куда воздушные потоки Си-

рен не долетают, пепельная завеса окутывает защитный купол, пылинки кружат в воздухе, подсвеченные светом наших искусственных солнц. Листва кривых деревьев бурая, туман повисает на ветках белёсыми клоками. На миг пейзаж даже кажется мне красивым. Любоваться можно без конца, но сейчас важнее другое.

– Что будем делать? – поворачиваюсь к мужчине. – Что происходит? Нас хотят убить?

– Я не знаю, – он пожимает плечами так растеряно, что я сникаю. – Медики натравили на нас рестриктеров. Операция, смерть, ещё и без ведома отца. Звучит как бред, но...

– Разве мы нарушили Пандект? Нам даже не объявили преступление!

Пандэкт – свод законов Синдерсити. Его соблюдение регулируют рестриктеры. Правила остались такими же, как были до взрыва кальдеры и никогда не казались мне жестокими или ущемляющими свободу, но сейчас не знаю, что и думать.

– Разберёмся. Я поговорю с отцом, – Нио хмурится, голос становится жёстче. И я понимаю, что он подозревает его. Но избавиться от родного сына? Лично я не верю, что за всем этим стоит градоначальник. Но чутьё у меня аховое. – Там в засаде могут ждать рестриктеры, но проверить стоит. Пойдѐшь со мной?

– Да, только... К моим бы тоже заскочить, сказать, что всё в порядке. У них сегодня выходной, они дома. Вдруг им уже позвонили и сказали, что я мертва? Они там с ума сходят.

Нио задумчиво хмыкает.

– Зайдём, только в этой одежде мы слишком приметны, – он только сейчас замечает, что рукав порван. Смыкает края, но они тут же расходятся. Стоит поднять руку, ткань натягивается на спине – наверное, жутко неудобно. Но как забавно выглядит.

– Ты прав, надо переодеться, – говорю сквозь смех, хотя сама не в лучшем виде – больничное платье, огромный пиджак и исцарапанные ноги. – У меня идея, где достать!

– Мне нравятся твои идеи, – улыбается Нио. – Благодаря им мы ушли от погони. Ты смело действовала в больнице, не растерялась. Умница, – ловлю в его голосе уважение.

– Да о чём ты! Твоя сила и сноровка привели нас сюда, а я просто... старалась соответствовать, – быстро отворачиваюсь, краска заливает лицо. – Идём.

– Веди, – говорит Нио, и мы покидаем наше ночное пристанище.

Глава 4. Помощь

Стараемся быть быстрыми и незаметными. Но люди провожают донельзя странную парочку обескураженными взглядами. Я бы тоже откровенно пялилась на подозрительно одетую девицу и мужчину, похожего на главного конструктора. Если Нио и узнают, то не верят глазам. Пусть косятся, главное, чтобы не останавливали и не кричали вслед: «Стой!».

Раструбили рестриктеры о сбежавших пациентах или приберегли новость? Может, каждый второй сообщает в участок. Чёрт, так и параноиком стать не долго.

Идём пешком – в автобусе на нас глазели бы. Туфли жмут и сильно натирают, я уже прихрамываю. В горле пересохло, но достать воды негде. Голод тоже просыпается, неделикатно напоминая, что пора бы подзарядиться, а то пока он питается только эмоциями. Но мы почти на месте, стараюсь не думать о еде.

Мы на рынке. Дошли минут за сорок. Обычно я вижу его шумным и суетливым, сейчас он пустее, но всё равно полон жизни. Рестриктеров не видно, охране до нас нет дела. Вместе со всеми проходим в зев ворот и будто оказываемся в ином мире, где размеренный бег времени ускоряется. Люди подпирают и голосят, покупают и обменивают. Здесь можно

найти всё, что угодно, и потратить деньги как с умом, так и без. Еду готовят прямо на улице – жар воздуха и смесь запахов убийственные. Прохожу мимо вместительной жаровни, в которой пекутся овощи. От аромата специй щекочет в носу, аппетит просыпается жуткий.

Сглатываю слюну и скольжу между рядами. Нио отстаёт на пару шагов. Я слишком спешу и не замечаю, как под ноги кидается ребёнок. Малышу хоть бы что – бежит дальше, а я едва не падаю. Остаюсь на ногах благодаря Миллрэту.

– Осторожнее, – он удерживает меня за плечо, а я чувствую себя пнём на дороге. – Ломясь через лавки, мы только внимание привлечём. Дай руку.

У меня краснеют уши. Сейчас на хвосте не сидят рестриктеры, нас никто не гонит, и я робею при проявлениях близости. Экстремальная ситуация подтолкнула нас друг к другу, но без адреналина в крови чувствую, что находиться рядом с Нио противоестественно, будто нарушаю Пандект и законы мироздания сразу. Но сплетение рук вселяет уверенность, особенно под взглядами, которые на нас то и дело бросают. Нам обоим беспокойно. Нио оборачивается всё чаще и хмурится так, что лоб и переносицу перечеркивает сеть морщин.

– Слишком людно. Элия, ты уверена в том, к кому мы идём?

– Да, – смотрю ему прямо в глаза. – Она поможет и не выдаст нас. Мы почти пришли. Доверься мне, пожалуйста!

Знаю, что прошу многого, но надеюсь, что поступаю пра-

вильно, решив обратиться к знакомой. Моя интуиция и уверенность не авторитет, но Нио вздыхает и кивает:

– Хорошо, тогда идём скорее.

Радость оттого, что он доверился мне, греет грудь. Встречаю его кивок улыбкой. Подгонять меня не надо – и так знаю, что нужно спешить. Ныряю под развешенными разноцветными платками, сворачиваю налево к предпоследнему киоску. А вдруг она сегодня не работает? Или испугается и откажется помогать? Что тогда? Это будет тупик.

На круглой подставке перед высоким цилиндрическим киоском вращаются тонкие фигуры безликих манекенов. Их пол определяет только одежда: брючные костюмы, платья, шляпы и аксессуары. Мы ныряем под тент.

Замечательно, мы единственные посетители. В маленьком магазинчике большой ассортимент: стены от пола до потолка в два этажа – разноцветные пятна одежды.

После яркого света улицы в глазах темно, не сразу замечаю прилавок, за которым продавец сортирует костюмы по размерам. Это женщина лет сорока пяти, но из-за среднего роста и щуплой фигуры она выглядит моложе. Морщинки в уголках голубых глаз практически не заметны, кожа розового оттенка – чуть темнее платья. Тонкие пальцы ворошат шуршащие пакеты. Светлая паутина волос опутывает лоб и виски – короткие пряди не поместились в аккуратный хвост. Нио останавливается, сделав пару шагов от порога, а я подхожу к столу. Как же я рада видеть Сиáру Стэркин – маму

Юны.

У них с дочкой поразительное сходство – я будто вижу повзрослевшую подругу. Женщина берёт очередной пакет и поднимает голову. Она узнает меня, да так и застывает с прижатым к груди костюмом.

– Элия? А почему ты не на работе? Который час? И что это на тебе? Больничное платье? – она оглядывает меня, сдвигает брови, скользит взглядом мне за спину и замолкает.

Сиара выглядит обескураженной, а значит, о нашем побеге ещё не объявляли. Вздохнуть с облегчением или озадачиться?

– Доброе утро, – вежливо здоровается Нио. – Сирены не передавали сообщение?

– И вам доброе, – женщина смешивается, откладывает пакет и выходит из-за стола. – Нет, сегодня не было новостей. А что должны были сообщить? Что-то случилось? – испуг заостряет её черты, делая красоту пронзительнее и тоньше.

– Мы пришли просить о помощи, – я перехожу к делу. – Да, это больничное платье. Вчера мы с Нио попали в клинику из-за обморока от усыпляющего газа, а после обследования подслушали разговор врачей. Они собирались отправить нас на срочную операцию и сообщить родителям, что мы умерли. Напали без объяснений, вызвали рестриктеров. Мы сбежали.

Женщина вздрагивает и бледнеет. Глаза округляются, и сейчас сходство с Юной невероятное – у той так же меняется

лицо при удивлении.

– Но почему? Что за операция?

– Не знаю, – качаю головой. – Диагнозы не удалось узнать.

Мы прорывались с боем.

– Бедняжки! – женщина смотрит сочувственно, а потом трогает меня за плечо. – Вы не ранены? Чем я могу помочь?

– Скорее всего, нас ищут. Мы хотим сходить домой, но в таком виде нельзя. Если там засада, нас сразу узнают. Вы ни дадите нам с Нио какой-нибудь неприметной одежды? Сейчас мы не сможем расплатиться, но обязательно вернём, когда всё кончится. Простите, что вовлекаю вас, но мне больше не к кому обратиться.

Сиара замирает всего на секунду. Обескураженность пропадает, стоит понять, что помощь ей по силам. И она рада её оказать.

– Конечно. Я дам вам всё, что нужно.

Словно камень с души падает. Нос щиплет от подступающих слёз. Пытаюсь подавить их, но эмоции сильны. Как бы я не храбрилась, всё равно остаюсь по-женски слабой и сентиментальной.

– Девочка моя! – голос Сиары – чистое сочувствие. Она обнимает меня так душевно, что не могу удержаться и хлопая носом. – Так твои родители ничего не знают? – спрашивает она, когда мы отстраняемся друг от друга.

– Нет, – вытираю глаза и качаю головой, – мы избавились от кристаллов – по ним нас бы нашли. Теперь мы не можем

с ними связаться.

– Можешь воспользоваться моим, – она вынимает серьгу из уха и протягивает мне.

На её ладони поблескивает фиолетовым многогранный кристалл. Это шанс сообщить близким, что со мной всё в порядке. Если рассказать маме и папе, они смогут помочь. Возможность так заманчива, что невольно тянусь к серьге, но на запястье точно стальной обруч смыкается – Нио останавливает меня и давит, вынуждая опустить руку.

– Нельзя, Элия!

– Но это не мой кристалл! Я только скажу, что жива, – упорствую, пытаюсь высвободиться, но Миллрэт не пускает. И у него есть веский довод для отказа:

– Не важно свой или чужой. Сирены отследят именно твои нейроимпульсы!

Неоспоримо. Конструктор сознания определенно осведомлён лучше. Моя кисть в его руке обмякает. Всколыхнувшаяся надежда гаснет бликами на гранях кристалла – своим звонком я могу навредить. Мама с папой под ударом уже оттого, что мои родители! Дочь сбежала из больницы с сыном градоначальника, обоих ищут рестриктеры. Ужасно!

– Извини, Элия, я не знала, что это опасно. Хотела как лучше, – Сиара вдевает серьгу обратно. – Но Нио знает, что говорит, слушай его. Я принесу вам одежду. Так, размер. Поняла. Сейчас буду, – она придиричиво нас оглядывает и скрывается в закутке.

– Извини, если был груб, – говорит мужчина, когда мы остаёмся наедине.

Наверное, у меня слишком жалкий вид.

– Всё нормально. Спасибо, что не дал совершить ошибку. И впредь говори, пожалуйста. Мне всё кажется диким, я никогда не попадала в такие ситуации.

– Поверь, я тоже. Поэтому и рад, что не один.

Вот так заявление! От его взгляда становится тепло, точно меня согрело солнце, но не имитация Сирен, а настоящее. Приятная эмоция заставляет забыть о реальности. Наверное, надо что-то сказать, но, пока я думаю, момент уходит.

Показывается Сиара с двумя стопками одежды:

– Элия, держи. Нио, а это тебе должно подойти. Идёмте за мной, – она уводит нас вглубь магазина, – извините, у меня только одна закрытая примерочная, у другой снимала шторы на стирку и ещё не повесила обратно.

– Ничего страшного, я займу открытую, – говорит Миллрэт.

Сиара уходит, а я ныряю за ширму и разбираю вещи. Здесь туфли на среднем каблуке, серого тона рубашка с длинным рукавом и плотная свободная юбка тёмно-синего цвета. Снимаю пиджак и платье, с огромным облегчением скидываю осточертевшую обувь. На покрасневших пальцах – пузырьки мозолей. Замечательно! Хорошо, что новые туфли закрытые, а ещё лёгкие и мягкие. Рубашка приятна к телу, юбка почти до колена. Женщина угадала размер, вот что значит профес-

сиональный взгляд. Смотрюсь в зеркало. Выглядит неплохо, вот только волосы торчат и глаза бешеные – ещё хранят отголоски прошлой ночи.

Я готова. Прислушиваюсь, силясь угадать, переоделся ли Нио. Подглядывать не хорошо и правильнее окликнуть, но рука сама тянется к шторе.

Спрятаться обратно уже не могу. Ничего постыдного не увидела – мужчина одет. Брюки свободные, а футболка обтягивает мускулистую грудь и плечи. Миллрэт надевает тёмно-серую толстовку и головной убор, а я с тоской смотрю, как терракотовая шапочка скрывает чёрные локоны, и задёргиваю штору.

Кажется, он не заметил, что я пялилась. А у меня сердце бьётся часто, вот глупое!

– Ты всё? Можно выходить? – голос звучит почти непри-
нуждённо.

– Да, выходи.

Покидаю кабинку и встаю перед Нио. Смотрим друг на друга, точно оценивая, с чем работать. Яркий цвет головного убора сделал его глаза выразительнее, заострил линии лица, смягчил оттенок кожи. Мужчина первым подаёт голос:

– Так лучше. Идёт тебе больше, чем больничное платье.

Комплимент? Звучит просто и обыденно, но мне приятно.

– Спасибо. А тебя и не узнать.

– Это хорошо.

На наши голоса приходит Сиара и принимает жаркую бла-

годарность. Нас ждёт ещё один сюрприз: она собрала нам в рюкзак еды и воды, дала немного денег.

Её доброта не знает границ, как расплатиться с ней за всё?

– Я настаиваю, дорогая, – сухая и тёплая ладонь касается моей щеки. – Ты подруга Юны, с твоей семьёй мы дружим. Считай это подарком. Главное, разберитесь, что происходит, и будьте осторожны. Кстати, у вас есть где переночевать?

Ответа нет – так далеко мы не загадывали. У женщины есть предложение:

– Моя кузина живёт в Западной зоне. Она забежит ко мне в обед, могу попросить её приютить вас на пару дней. Вряд ли рестриктеры додумаются искать вас у неё. Если вариант подходит, зайдите вечером, попрошу коды от электронных замков и сообщу адрес.

Не знаю, что и сказать. Нио находится раньше:

– Спасибо огромное. Вы нам очень помогли!

– Была рада. Только бы всё обошлось! Элия, держи последний штрих, – она протягивает мне солнечные очки с оранжевыми линзами.

Слишком яркий цвет не вписывается в общую картину моего наряда, но рядом с Миллрэтом смотрится гармонично – оттенок подходит к его шапочке. И самое полезное – очки загораживают пол-лица.

Сиара улыбается – эту цель она и преследовала. Всё просчитала! И откуда знает что нужно, точно сама когда-то пряталась? Или это черты всех взрослых?

Прощаемся так, будто никогда больше не увидимся. Но теперь не могу быть ни в чём уверенной. Пусть лучше окажусь параноиком. Нио напускает тень капюшона на лицо, а я поправляю очки на носу. В маскировке комфортнее.

Выходим из магазина, быстро покидаем рынок и перекуываем на скамейке в парке. Горожане больше не обращают на нас внимания. Чувство сытости успокаивает.

Тёплый воздух тербит волосы, свет бликами пробивается через листву. Приятный день, даже не верится, что ночью на нас кидались с электрошокерами и транквилизаторами.

Может, приснилось?

Но поворота головы достаточно, чтобы развеять сомнения. Сидящий рядом Нио – настоящий. Он вписывается в реальность служащей архива, так же как она – в будни программистов Сирен, но невозможное и обыденное шагнуло друг в друга и смешалось. Теперь у меня с Миллрэтом общий путь, пока не разгадаем связывающую нас тайну.

Отдохнув, идём к моему дому – он ближе.

Первое, что настораживает: окна распахнуты. Родители так не делают – не любят сквозняки. Спокойствие, нахлынувшее на меня в парке, спадает. Память слайдами листает события ночи. Встаём так, чтобы нас не видели, и наблюдаем. Некоторое время всё тихо. Затем двери балкона открываются, и из квартиры выходит незнакомый мужчина в зелёной форме и фуражке, строгим взглядом оглядывает двор. Глазам своим не верю!

– Нио! Рестриктеры у меня дома! – вцепляюсь в рукав Миллрэта.

– Сюда! Скорее, пока не заметили.

Я благодарна, что он уводит меня. Эмоции глушат голос разума, и, когда мы уходим с улицы, меня прорывает:

– Они даже не прячутся! Открыто расхаживают по квартире! Нарочно демонстрируют. Но где мама с папой? – меня колотит. Не знаю от чего сильнее: от страха или возмущения.

Мужчина разгадывает подступающую панику и разворачивает меня к себе:

– Элия, успокойся, слышишь? – он сжимает мои плечи, и только его взгляд, руки и голос не дают мне сорваться в истерику. Глотаю эмоции и отвечаю уже спокойнее:

– Я просто волнуюсь за родителей. Их арестовали или держат там в заложниках?

– В любом случае, патруль красуется на виду, чтобы выманить тебя. Увидишь, что родные в опасности, почувствуешь вину и бросишься на помочь необдуманно. Ловкие черти! – он злится, признавая, что нас перехитрили. Отпускает меня и прохаживается взад-вперёд.

– Но это нечестно! Несправедливо! Близкие не должны страдать из-за нас.

– Честь и справедливость? – хмыкает он. – Применимо ли это сейчас к Синдерсити?

Хмурые и молчаливые мы идём к Миллрэтам. Там, скорее всего, такая же картина. Если уж у меня засели рестриктеры,

что говорить о жилище градоначальника, но Нио хочет удостовериться. Идёт быстро – еле поспеваю. Обоим не по себе, а в голове полно мрачных мыслей. Вплоть до того, не сдать ли властям. Всё крепко запуталось и, чтобы освободиться, теперь только рубить.

Есть ли шанс узнать правду, остаться в живых и помочь родным? Где ответ?

Одно знаю наверняка – возврата к прежней жизни не будет.

На подступах сбавляем скорость. Улица идёт вверх. Здания здесь шикарные: сплошь коттеджи и особняки. Высоток почти нет, только сады во дворах за металлом оград. Шаги гулки по океану асфальта. В Центр меня заносило всего пару раз – мне тут нечего делать, вот и сейчас неуютно. Это мир Нио, он идёт уверенно, а я здесь чужая.

Башни видны издали. Через пять минут показывается фасад в три этажа – облицовочный камень персикового цвета, тёмно-красная черепица крыши. Никогда не подходила к дому так близко, огороженная территория поражает широтой. Робот-газонокосильщик стрижёт траву, второй – катается по и без того чистым дорожкам. Настороженность растёт, мы озираемся и подбираемся перебежками. У ворот припаркована патрульная машина. Форма рестриктеров малоприметна в зелёной листве, но различить можно. Несколько мужчин обходят периметр. Особняк оцеплен.

– Как думаешь, Элия, – усмешка раскалывает губы Нио, –

отец там в заложниках или под охраной?

Еле сдерживает ярость. Его голос замораживает и наре-
зает воздух на тонкие пласты. Страх мурашками колет спи-
ну. Я замираю в нерешительности. Кажется, от моего ответа
зависит, перестанет он подозревать отца или нет. Но ведь я
ничего не знаю об их отношениях, что мне сказать? Не хочу
вносить раздор в семью, но, даже если там и так всё плохо,
нет доказательств, что Деян Миллрэт причастен.

– Рано делать выводы. Не спеши обвинять, пока не удосто-
веришься, – говорю я осторожно и слежу за реакцией муж-
чины. – Поговори сначала, пусть всё объяснит.

– Как видишь, задача усложнилась, – голос Нио напряжён,
но уже не сыплет ледяными осколками, – проникнуть внутрь
нелегко, но это мой дом, я знаю в нём все входы и выходы.
Только идти с голыми руками – глупо, – он закусывает губу. –
Подготовимся и пока затаимся. Пожалуй, не лишним будет
принять предложение матери твоей подруги.

Он обращает на меня суровый взгляд. Так смотрят, ко-
гда не ждут отказа. Вечная стужа. Такими темпами хмурость
сроднится и с моими чертами. Взвешивая сказанное, я при-
знаю, что Миллрэт прав. В очередной раз. Какой уж тут от-
каз – ответ ясен.

– Согласна. Давай так и поступим.

* * *

Чем ниже спускаемся, тем выше поднимается панорама города на горизонте. Здания обнимают дорогу по обе стороны. Слева они уносятся вверх на тридцать и более этажей, справа возвышаются только два длинных и узких прямоугольника оранжевого кирпича. Боковая грань фасада скруглена. Поверхность из тёмного стекла – гладкая чешуя квадратов. Некоторые окна открыты, и создаётся впечатление, что отдельные чешуйки встопорщились. Любуюсь сумраком стекла и тёплым оттенком кирпича. Выясняется, что один из этих домов нам и нужен – там живёт кузина Сиары.

Свет меркнет – день клонится к вечеру. Я устала и физически, и морально. Никогда не проводила так много времени вне дома, работы, системы. Приходится постоянно озираться и всех подозревать, всегда на пределе внимания, так никаких нервов не хватит.

Открываем электронные замки входной двери и поднимаемся на двадцатый этаж. Кузина встречает нас на пороге. Она совсем не похожа на сестру – у неё прямые русые волосы и карие глаза. Смотрит снизу вверх даже на меня, что уж говорить о Нио, для неё он гигант. Женщина приглашает нас в дом, кормит ужином. Встретила как близких, от такой теплоты наворачиваются слезы.

Декор квартиры незамысловатый, но здесь уютно. Сажу с чашкой чая на просто обставленной кухне, но насладиться комфортом до конца не могу. Это как заноза – пока не вытащишь, будет саднить. Сначала ненавязчиво, потом раздра-

жением и закончится нарывом. Прихожу в себя, когда замечаю, что ищу ответы на дне кружки, а с кухней разговаривает Нио. Ловлю его обеспокоенный взгляд и улыбаюсь, давая знак, что всё в порядке.

И тут в дверь звонят.

Мы подскакиваем как по команде, от неожиданности я проливаю на стол остатки чая.

– Вы кого-нибудь ждете? – напрягается Миллрэт.

– Нет, никого, – женщина и сама пугается. – Спрячьтесь в кладовой, первая дверь после спальни. Я посмотрю, кто там.

Душный воздух пахнет пылью и старыми вещами. Здесь столько всего, что места двоим мало: стою, вцепившись в дверную ручку, прижимаюсь спиной к груди Нио – не развернуться. Да и темно, мало ли на что наступлю, лучше стоять так и не шуметь. Сердце бьётся в макушке, там же тысяча вопросов.

Неужели рестриктеры? Как нашли? У дома заметили? Моего или Миллрэта? Я виновата, не тому доверилась? Что конкретно мы сделали неправильно?

Слышу из-за двери звонкий женский голос и не верю своим ушам. Не может быть! Прислушиваюсь тщательнее, чтобы увериться в догадке. Так и есть. Меня пронзает радость, я смело распахиваю дверь и выбегаю, оставляя позади протестующий оклик Нио.

Бояться нечего – в конце коридора стоит Юна.

Глава 5. Бездна у ног

Это и правда она: хрупкая фигурка, бледное личико, пушок светлых волос. Виделись вчера, а кажется, прошла неделя – насыщенность событиями сбила ощущение времени. Подруга выкрикивает моё имя, бежит по коридору и кидается мне на шею. Юна горячая и запыхавшаяся от бега. Одежда и волосы мокрые от прошедшего дождя, но это пустяки.

Важно, что я крепко обнимаю её, и одиночество с тоской, раздражённо фыркая, отступают в тёмные углы. Дрожь почти нежно сжимает плечи. На короткий миг всё кажется сном: охота на нас с Нио, таинственные диагнозы, рестриктеры в моей квартире и родители в заложниках. Реальность – здесь и сейчас, пока я в объятьях близкой подруги.

– Элия, как ты? Мама всё мне рассказала о больнице и побеге, – она отстраняется. Говорит быстро и испуганно, голос дрожит от возбуждения, беспокойство делает голубые глаза огромными. – Ужас! Теперь скрываешься как преступница!

– Да, ситуация скверная, – успеваю вставить, и словесный поток Юны несётся дальше:

– Мама отговаривала меня приходиться, но я не удержалась. Так хотела тебя увидеть и убедиться, что всё в порядке. Это напомнило мне то, что случилось с отцом, – она замолкает и скатывает руки с моих плеч.

Теперь понятно, почему она примчалась вся на эмоциях.

Её отец умер два года назад. Болезнь прогрессировала быстро, потребовалась срочная операция. Но закончилось всё урной с прахом... Диагноз мудрёный: что-то с головным мозгом. Но где гарантии, что он не сфабрикован? Значит, ещё пациенты были, а родные, если и подозревали что-то, не смогли ничего узнать.

Есть ли связь между нашими случаями? Помнит ли Юна детали? Может, и он из-за газа в обморок падал, или ещё какие странности были? Это важно, но она выглядит такой расстроенной, что я не рискую спрашивать.

Боже, какая я бестактная! Заявилась к Сиаре, напомнила о потере. Как должно быть ей сейчас тяжело! Но не потому ли она помогла? Не сбежав, мы закончили бы как её супруг. И теперь мы единственные, кто может докопаться до истины.

– Прости, Юна, я, наверное, расстроила твою маму.

– Не беспокойся. Сникла немного, но будет в порядке, я её не оставлю. И тебя тоже, – она сжимает мои кисти и искренне улыбается, а я понимаю, что поступила правильно, доверившись её родственникам.

Что-то за моей спиной привлекает подругу. Взгляд загорается восторгом. Она едва не раскрывает рот. А я давлю смешок – значит, Нио появился в коридоре.

Давно знаю о чувствах Юны, но не думала, что реальная встреча произведет на неё такое впечатление. Вот уж точно, не умеет скрывать эмоции – на лице всё написано. Влюблён-

ность, обожание и зависть. Наверняка, хотела бы оказаться на моём месте.

Мне действительно повезло узнать Миллрэта с тех сторон, которые он вряд ли раскрывает всем подряд. Но и врагу не пожелаю такой участи. Приключение не романтическое, а страшное и опасное. Я знаю Нио, потому что мы оказались на соседних койках в больнице, оба с неизвестными диагнозами. Не упав я в обморок, мы не познакомились бы ближе. Много было бы не так...

Мужчина проходит коридор быстрым шагом. Юна приветствует его счастливой улыбкой, а он отвечает хмуростью пепельного неба. Строгость заостряет черты лица – ни намёка на приязнь. Контраст ударяет даже по мне: подозрительность на дружелюбие. Я холодею, но всё равно знакомлю молодых людей:

– Нио, это Юна – моя подруга и дочь Сиары. Ей можно верить.

Но у Миллрэта другое мнение на этот счёт, он с ходу сыплет девушку вопросами:

– Ты одна пришла? Что-нибудь странное заметила? Кто-нибудь следил?

– Одна. Никто за мной не шёл, – она обижена прямыми нападками.

Строгий голос мужчины её мечты раскалывает хрупкую надежду на приятное знакомство, осколки ссыпаются под ноги вместе с радушной улыбкой. Моя чувствительная и ра-

нимая подруга не может скрыть расстройства. Не удивлюсь, если она втайне мечтала о любви с первого взгляда. И вообще, только ли ради меня прибежала? Ну вот, я уже подозреваю Юну в лицемерии и корысти.

– Не шёл или не видела? Ты понимаешь, что подвергаешь опасности не только себя и нас, но и родных? Как можно не думать о таком! Совсем безмозглая? Это тебе не сиделки с подружками! Почему не послушалась мать и не осталась дома?

Это уже грубо. Юна теряет, огонёк обожания разочарованно гаснет в глазах. Хочу открыто возмутиться поведением Нио, пусть ругает меня, ведь подруга пришла ко мне, но внезапно понимаю, что он прав. Миллрэт мыслит здраво, только излагает жёстко.

Эмоциональность Юны может навредить. Нарочно она никогда не предала бы нас, но случайно привести на хвосте рестриктеров могла. На кону слишком много жизней, чтобы бездумно доверять всем.

– Н-н-не видела, – девушка уже заикается, на глазах блещут слёзы.

– И по сторонам не смотрела? – допрос продолжается, и издёвка в голосе Нио кусочком льда проскальзывает вдоль моего позвоночника.

– Нет, – Юна опускает глаза, признание дается ей с трудом. Кажется, она тоже понимает, что поступила неосмотрительно, но ещё пытается оправдаться: – На улице уже темно,

а я бежала всю дорогу. Я никому не говорила, куда иду! Это правда, поверьте!

Она лепечет что-то ещё, но Миллрэт уже не слушает и поворачивается ко мне:

– Мы уходим!

– Думаешь, за ней следили? Сама она никогда бы...

– Элия, не спорь! Хочешь жить – собирай вещи!

Жёсткие интонации отбивают желание перечить. Кидаюсь в гостиную, где оставила рюкзак, а Нио крадётся к двери и замирает, вслушиваясь в тишину лестничной площадки. Юна остаётся одна в коридоре, растерянная и испуганная. Думала ли она, что всё так повернётся? Вряд ли. Опомнившись, она лепечет извинения и бежит за мной.

– Элия, прости, я всё испортила, зря пришла! Я пережила и хотела увидеться! – подруга дёргает меня за рукав. Глаза покраснели и теперь ярко выделяются на бледном лице, а по щекам уже ползут слёзы. Мне жаль её, я верю, что она не задумывала ничего плохого.

– Я знаю, – крепко обнимаю её. – Ты не виновата! Но сейчас всё очень серьёзно. Надеюсь, что перестраховка. Мы столько пережили за последние сутки, что теперь нам везде мерещатся заговоры. И не обижайся на Нио, если бы не он, меня здесь не было.

– Берегите друг друга, – Юна всхлипывает, а я усмехаюсь и киваю.

Для Миллрэта я скорее обуза, но, может, ещё пригожусь.

Я буду стараться!

– Элия, скорее! – торопит мужчина.

– Прощай, Юна! Надеюсь, ещё увидимся! – порывисто обнимаю подругу, закидываю за спину рюкзак и бегу в коридор.

Напряжение и чувство преследования адреналином впрыскиваются в кровь. Нас гонят в ловушку как зверей, но попадёмся мы или нет, зависит только от нас. Нио накидывает толстовку и встаёт наготове у дверей. Коротко прощаемся с хозяйкой.

– Всё тихо. Проверю этажи, – пока я надеваю туфли, мужчина выходит за дверь, озираясь. Я тенью – за ним.

Полутёмная площадка пуста и тиха. Лифт молчит. Лестницы есть в обоих концах коридора, и Миллрэт сворачивает к ближайшей. Но Юна вдруг обгоняет его.

– Я вас провожу. Хочу сама убедиться, что никого не привела.

– Вернись в квартиру немедленно, не надо геройствовать, – сердито окликает её Нио.

– Нет, я должна, – упрямится она.

Понимаю, Юна жаждет доказать ему, что ей можно верить. Но она крупно рискует, это безрассудно и опасно! То, что именно подруга идёт первой к лестнице, до крайности неправильно! Мы не должны впутывать её, это только наша проблема. Беспокойство раздувает грудь, срывает дыхание.

– Юна, стой! – я выхожу из-за спины Нио, но догнать не

успеваю – на этаж выпрыгивают тени: вооруженные мужчины в зелёной форме.

Уже нашли? Так быстро? Всё-таки следили?

Адская смесь из разочарования и отчаяния клокочет внутри. Мы на поводке. Его то ослабляют, то натягивают. Обидно, что дёрнуть могут в любой момент.

– Назад! – крик Миллрэта катится по коридору.

Пока мы с Юной застыли, он, как всегда, реагирует первым. Подруга разворачивается и бежит к нам, но рестриктеры открывают огонь без предупреждения.

Мои ноги прирастают к полу, когда пули ударяют Юне в спину. Её рот удивлённо раскрывается, лицо искажается непониманием и застывает как при моментальной заморозке. Тонкая фигурка ломается и падает, проливая молоко волос на пол. Два рестриктора тут же подхватывают её и уносят.

Это как сон. Потому что не может реальность быть такой жестокой, не могут мою близкую подругу, этого светлого человека хладнокровно застрелить у меня на глазах!

Хочу кричать, но язык прирастает к нёбу. Отдираю его так резко, что, кажется, будто из трещины рта идёт кровь.

– Юна! Верните! Куда вы забираете её? – скорбь лишает рассудка.

Рвусь вперёд, но ноги подкашиваются, и я оседаю на каменный пол.

Теперь обстреливают меня. Пули проносятся мимо, по-

тому что я далеко, но дистанция быстро сокращается. Надо подняться...

– Элия! Нет! – сильные руки обхватывают меня и тянут назад.

Нио запикивает меня в квартиру и закрывает дверь перед самым носом рестриктера. Пока он щёлкает замками, я прихожу в себя, и вдруг вспышка молочно-белого света слепит глаза. Сетчатку будто режет ножом, пронзительный звук тонким шупом вонзается в голову. Воздух оживает и толкает меня в шкаф. Боль забирает себе тело, а белый шум заливает уши.

Зрение возвращается чёрными расплывчатыми кляксами. В суматохе никто не заметил, как в квартиру закинули световую гранату. А её разрыв ощутим. Нио тоже отбросило в сторону, еле двери успел закрыть. И в них уже активно ломятся.

Плечо немеет, голова кружится. Хозяйка квартиры выбегает из кухни и помогает мне подняться. Я благодарю – сама не смогла бы.

Миллрэт встаёт, держась за стену, трёт голову, болезненно морщится и моргает. Ему досталось сильнее – ближе стоял. Но оборона квартиры на его плечах, и как только спазм проходит, мужчина бросается баррикадировать вход шкафом. Помощи не просит, будем только мешать, поэтому я хватаю женщину за руки, требуя внимания. Голос с трудом рождается в горле. Он тих и полон слёз, хотя глаза мои сухи:

– Юна... Они убили её. Выстрелили в спину. И забрали...

– Нет! – кузина ахает и отступает.

Отказывается верить. Я тоже, но сама всё видела и теперь долго не забуду.

Женщина пятится на кухню, раздражается плачем. В моей груди тоже поднимается волна. Не сдержусь – взвою.

Но рядом оказывается Нио. Разворачивает меня к себе, берёт лицо в ладони.

– Элия! Сейчас не время! Понимаю твои чувства и соболезную, но надо уходить.

– Куда? – мой голос звучит обречённо. – Мы в ловушке! Они уже ломают дверь...

– Сдашься добровольно? Как родители? – моя апатия его злит. – А вот Юна боролась до последнего. Пусть решение прийти было ошибкой, но она хотела защитить тебя. Только мы можем узнать правду! Пожалуйста, пойдём!

Когда мужчина приводит Юну в пример, меня душит стыд. Миллрэт не бросает меня, несмотря на то, что я – тормозящий элемент системы. Он – ум и хладнокровие, я – импульс и эмоции, которые сейчас только мешают. Мы – команда, а значит должны держаться друг за друга. Юна просила об этом. И я обещала, что буду помогать Нио и слушаться его.

Беру себя в руки. Пары секунд мне хватает, чтобы решиться.

– Я с тобой! Будем прорываться? – кошусь на дверь, кото-

рая сотрясается от ударов. Каждый может стать последним, каждый приближает наш конец.

– У меня есть идея получше, но соберись. Это потребует мужества, – Нио въедливо смотрит мне в глаза, убеждаясь, что я готова и не сорвусь в истерику по дороге, потом тянет в зал. Человек со стальной выдержкой. Как мне стать такой же?

Едва успеваю кивнуть хозяйке на прощание. Она слабо улыбается в ответ. Будет ли с ней всё хорошо? Рано или поздно рестриктеры снесут баррикаду и ворвутся в квартиру, арестуют, заберут её на допрос. Да, она знала, на что шла, приютив нас, но это не отменяет мой долг перед их семьей. А гибель Юны делает его неоплатным.

Миллрэт вытаскивает меня на балкон. Ветер тут же подталкивает нас к перилам. День погас, темноту мягко освещают воздушные машины. Раздутый дирижабль Сирены отсюда кажется близким, но это иллюзия. Туда даже с самого высокого небоскрёба «СайренТэк» не добраться. Внизу, в бархатной тьме, мерцают и дрожат сотни разноцветных огоньков, ярких и блёклых, точечных и растянутых: алмазная пыль ночной жизни.

– Элия, будем спускаться, – серьёзно говорит мужчина.

– Что? Это не план, требующий мужества, это самоубийство! Двадцатый этаж!

– Высоко, знаю, но других вариантов нет, – он снова прибирает меня к рукам – на этот раз сжимает и трясёт за плечи,

точно хочет прощупать кости под кожей. – Ты сможешь. Не паникуй. Сначала на пожарную лестницу, – он разворачивает меня к пункту назначения.

Гигантская змея лестницы извивает металлическое тело между рядами балконов. Чтобы жильцы без надобности не ходили, все стороны, кроме дальней, закрыты решётками. При опасности пожара они деактивируются, но сейчас дымом и не пахнет. Чтобы спуститься по лестнице, придётся лезть до свободного края...

У меня нет панической боязни высоты, но как обычному человеку мне некомфортно. Нио уже карабкается по решётке, а меня мутит, стоит перегнуться через перила и посмотреть вниз. А сейчас придётся лезть следом. Есть ли у Миллрэта страхи? Но, с другой стороны, он не испуганная девчонка, чтобы их показывать.

Выхода нет. Голову ведёт, когда забираюсь на стол вровень с перилами. Шаг в сторону – и стану пустотой. Ноги сводит, а в горле свербит тошнота. Подаюсь вперёд и хватаюсь за перекладину. Металл под горячей рукой кажется ледяным. Боюсь, что слетят туфли и придётся карабкаться босиком. Вот я уже полностью вишу на решётке. Один единственный шаг выпил всю копимую смелость. Как теперь сделать второй?

Ветер рвёт юбку и волосы. Ничего не вижу вокруг, гипнотизирую только тонкие прутья перед собой. Боюсь, если мотну головой, сорвусь в ту же секунду. Если посмотрю вниз

или назад – тот же исход. Поэтому двигаюсь медленно, прощупываю ногами устойчивость перекладин. Дыхание сбивается, кровь шумит в ушах наперебой с ветром.

– Элия! – ветер уносит окрик Нио, донося до меня лишь отголоски. Пока я ползу как улитка, он уже достиг площадки.

Непривыкшие к таким усилиям мышцы тяжелеют, напряжённые руки трясутся, ладони потеют и скользят: чем больше я боюсь, тем сильнее. Ещё шаг. Волосы хлещут по глазам, я смахиваю их и опускаю голову вниз.

Тут же проваливаюсь в яму без дна и стен...

Чёрная и дрожащая, она полна образов: смеющееся личико Юны, наши задушевные разговоры, маленькие секреты. Под ложечкой сосёт, тоска по подруге входит ветром в глазницы. Бездна ревет под ногами, ей мало отнятой Юны, она хочет забрать ещё и меня.

– Не смотри вниз! Не спеши и не паникуй! – Нио нервничает, что я торможу, но напугать боится. Неловкое слово или движение – сорвусь. Один бы давно спустился, но ждёт. – Подними голову, Элия! Смотри только на меня! Слышишь? Ну же!

Его взгляд как спасательный круг. Цепляюсь крепко, и, глядя в бездну голубых глаз, на автомате переставляю ладонь, стопу, снова руку... и так далее по схеме.

– Ещё немного, – он уже тянется навстречу. Как близко! Достану ли?

Силы кончаются, когда Нио перехватывает меня за та-

лию. Разжимаю ладони, и мужчина перетаскивает меня через перила. Шаткие ноги находят опору, дрожащими скрюченными пальцами хватаюсь за Миллрэта. Металлическая площадка не сплошная, и стоит опустить взгляд, как через щели в полу бездна снова манит.

– Ты справилась! Всё позади, всё хорошо. Ты как? – он гладит меня по голове, по спине, берёт за локти, а я по-прежнему сжимаю его плечи.

– Нормально, – выдавливаю из себя, глотая ком. Я лезла без страховки по балконной решётке на высоте двадцати этажей. Но стою живая и невредимая. И это только начало.

– Тогда поспешим. Теперь ты иди вперёд.

– Нет, давай ты, я не смогу быстро. Задашь темп, буду догонять.

– Хорошо.

Разойтись на узкой площадке почти нереально. Я отступаю к решётке, позволяя Нио протиснуться. Холодная твердость металла за спиной, и горячая гибкость мышц спереди. На несколько секунд я зажата между мужчиной и решёткой. Только когда Нио оказывается на ступеньках, я понимаю, что он придерживал меня за талию.

Сверху слышится треск и крики – это рестриктеры ворвались в квартиру. Больше всего режет по ушам короткий женский вскрик. На миг голоса становятся громче, жду выстрелов, но их нет. Если поняли, куда мы делись, то, наверняка, уже направили вниз перехват. Успеем ли мы спуститься до

того, как лестницу окружают?

Начинается гонка. Металл ступеней сливается в черноту под ногами. Подошвы вязнут в этой смоле, но я не отстаю от Нио. Цепко держусь за перила, стараюсь не замечать, что лестница шатается. Как можно скорее добраться до низа!

Непонятно, на высоте какого этажа мы сейчас. По тому, как поднимаются огни города, понимаю, что мы неукоснительно снижаемся. Спускаемся долго, точно с небоскрёба в сто этажей. Как бы ни спешили, всё равно получается медленно.

Внезапно Нио останавливается, и я чуть не врезаюсь ему в спину.

– Что случилось? Почему ты...? – спрашиваю, но уже и сама вижу: ступеней больше нет, лестница обрывается решёткой. Это тупик. Чёрт, а ведь почти выбрались!

– Элия, надо прыгать, – Миллрэт сообщает мне об очередном испытании едва ли не будничным тоном, словно наш ежедневный распорядок и так состоит из подобных манипуляций: висеть над пропастью, бегать от властей, сигать с высоты.

– Прыгать? – только и выдавливаю из себя.

Пока стою за спиной Нио, не сознаю всего драматизма. Что ещё сказать – спорить с мужчиной бесполезно.

– Тут невысоко – третий этаж. Отойди, выбью решётку, – говорит он.

Я отступаю назад. Нио дёргает прутья, колотит ногами.

Решётка не литая, а съёмная. При пожаре собирается и отъезжает, ступени выдвигаются до земли из площадки, на которой мы стоим. Но опять же механизм не активировать без пожара.

Тёмная пустота внизу ухмыляется, предвкушая фееричный полёт-падение.

– Поддаётся? – спрашиваю я, и в следующий момент решётка летит вниз и с грохотом падает. Теперь уж точно незамеченными не улизнём.

– Кусты внизу смягчат падение. Я первый, потом ты, ладно? – Нио оборачивается ко мне, но я всё равно не вижу его лица. Из-за темноты, страха и шока.

– Поняла, – я больше не спорю. – Прыгаю за тобой.

В горле стоит ком и сердце замирает, когда Миллрэт взбирается на перила. Хочу предупредить, чтобы был осторожен, что внизу его поджидает бездна. Но голос пропадает.

И уже нет надобности.

У мужчины нет колебаний. Секунду назад стоял на перекладине, и вдруг – исчез. Бросаюсь вперёд и свешиваюсь через перила. Внизу в кустах – шевеление, но во мраке ничего не вижу. Вдруг разбился или покалечился?

– Нио! Ты как? – голос прорывает кокон безмолвия. Нотки отчаяния рассекают воздух.

– Нормально. Всё хорошо. Прыгай, – кричит он мне.

Вздыхаю с облегчением, значит, приземлился удачно. Повезёт ли мне? Меня бросает в пот, голова кружится, ладо-

ни скользят по перилам. А если сорвусь и не долечу до кустов? Разобьюсь об асфальт? Тут слишком высоко. Неужели я, правда, собираюсь прыгнуть?

Чем дольше думаю – тем меньше решимости. Может, поэтому Нио и спрыгнул так быстро – чтобы не анализировать? Я трачу время. Это расточительство – стоять и размышлять. Лучше не думать вообще.

Поднимаюсь на перила, делаю вдох. Пока снова не начала колебаться, отталкиваюсь как можно дальше. Хочется кричать от страха, когда темнота душит в ласковых объятьях. Давлю вопль в горле, ветер сбивает с кожи мурашки, вертит меня в воздухе.

Всё заканчивается быстро. Страх ещё держит, а я уже приземляюсь спиной на ветки. Невесомость затухает в животе, в голове клубится туман. Если не сконцентрируюсь на реальности, то потеряюсь в закоулках своего сознания. А там такой лабиринт...

– Элия? Всё хорошо, я здесь, – голос Нио доносится до меня издалека.

Уши что ли заложило? Меня трясёт, как в лихорадке, от шока не чувствую боли, но знаю, что ушиблась. Рюкзак смягчил падение, иначе ветки проткнули бы меня, блузка на боку и плече порваны. Жаль, что Сиара не дала мне брюки, я уже исцарапала все голени. Местами – сильно, тонкие ручейки текут по ногам.

Мужчина на руках выносит меня из куста и ставит на зем-

лю. Но ноги не держат, и я падаю в траву. Ощупываю руками землю и радуюсь, что жива.

Пара синяков и царапин, порванная одежда – какая ерунда! Я легко отделалась. Хочется смеяться. Чёрт, нервы!

Нио снова поднимает меня. Я ничего не могу сказать и смотрю на него как сумасшедшая, но уже стою, не падая. Перевожу взгляд вверх, на лестницу, с которой только что прыгнула и выше, на балкон на двадцатом этаже. Желудок сворачивается узлом.

И как я через всё это прошла?

– Ты справилась. Но сейчас нам надо спешить.

Ни минуты покоя. Нио подгоняет меня, а я смотрю на него как на героя.

Потому что я жива только благодаря ему.

Глава 6. Глубины сознания

Перед глазами всё прыгает, но я уже могу идти. Срываюсь на бег. Дом стоял на возвышении, и, чтобы спуститься к улице, нужно пройти через переход – лестницу, крытую стеклянным куполом. Это единственный путь – двор ограждён бетонными блоками, так что делать нечего: ныряем в павильон и начинаем очередной отчёт ступеней.

Под ногой шуршит камень с вкраплениями кристалла. Фиолетовые крупички поблёскивают в освещении тоннеля – слишком мелкие, чтобы извлекать и обрамлять в металл, поэтому материал применили в качестве декоративного.

Спуск долгий, лестница периодически меняет направление. На поворотах мы замедляемся и осторожничаем. Наши шаги чередуются с тишиной, больше никаких звуков. Но чем ниже и, соответственно, ближе к выходу, тем напряжённее. Впереди опасный участок: две крытые линии скрещиваются на перекрёстке. И паранойя расцветает.

– Нио, здесь нас могут подстеречь, – я говорю тихо, но звуковые волны в закрытом помещении разносятся далеко.

Лучше бы молчала, потому что это становится спусковым крючком. Переношусь назад во времени и пространстве и снова стою в полумраке подъезда, а мужчины в зелёной форме тенями заполняют проход и стреляют.

Только нет впереди ещё живой Юны. Да и я уже не та, что раньше.

Похоже, мы в безвыходном положении, ведь в павильоне негде спрятаться. Не знаю что хуже: бежать вверх и подставлять спину, или лезть вперёд и драться. Если бы ещё умела, прежде ведь не приходилось. С детства боялась драк.

Но запаниковать не успеваю – каким-то образом Нио отесняет меня себе за спину, ногой выбивает пистолет из рук ближайшего рестриктера и толкает его с лестницы. Падая, тот цепляет соседа, а я жмусь к стене, радуясь, что повезло с напарником. Нио в прекрасной форме. И где драться учился? Если бы не феноменальный разум, он мог пойти на службу, и тогда у преступников не осталось бы шанса. Но сейчас он по другую сторону закона.

Удар коленом под ребра и в нос – и на одного нападающего меньше. Теперь стреляют реже – боятся попасть в своих же – Нио успешно прикрывается ими как щитами.

Но перевес есть. Миллрэт впечатывает очередного мужчину в стену, но получает крутящий удар ногой в бок. Рестриктер напрыгивает на него сверху и опрокидывает спиной на ступени, ударяет пистолетом по лицу, но Нио перехватывает его руку, подбирается и перебрасывает мужчину через себя. А после морщится – принял на себя чужой вес, хотя сам лежит на рёбрах лестницы. На отвратительный хруст я даже не поворачиваюсь – страшусь увидеть свёрнутую шею.

Я плотно прижимаюсь к стене. Удивительно, но в этой ку-

терье мне пока удаётся оставаться незамеченной. Однако невидимость временная. Слышу резкий окрик, и нога съезжает со ступеньки. Это спасает мне жизнь – в дюймах от плеча проскальзывает вспышка, за спиной трескается стекло, и дождь осколков осыпает голову.

Пользуюсь моментом и вцепляюсь в запястье нападающего. Свободной рукой он пытается снять мои руки, но я толкаю мужчину к стене и ударяю его кисть о перекладины лестницы. С каким упоением слушаю шипение боли! Повторяю ещё раз и с силой.

Есть! Пистолет выпадает из пальцев и катится вниз, ударяясь о ступени.

Но насладиться маленькой победой не успеваю – получаю удар в грудь, отлетаю спиной на перила и дальше – до следующей площадки. Больно стучаюсь коленом и чуть не разбиваю лоб о каменный пол. Перед глазами всё прыгает. Рестриктер бежит ко мне, безоружный, но по-прежнему опасный. Чёрт, куда делся пистолет? Ведь сюда катился. Я не уверена, что выстрелю, но угрожать-то смогу.

– Встать! – а над головой уже гремит выстуженный злой голос.

Но он сам не даёт мне исполнить приказ: я только приподнимаюсь на руках, как он пинает меня под ребра, и я кулём качусь по ступенькам. Удар на зависть точный – внутри будто что-то разрывается. Если не встану, меня продолжат избивать. Цепляюсь за перила и поднимаюсь. Боль хохочет

внутри, как только распрямляю спину.

Мужчина щурится на меня. Жёсткий взгляд. За его спиной, на верхней площадке, вырастают ещё двое патрульных, но ближе не подходят – зачем? Напарник и сам справится, а потом ещё награду получит, что голыми руками взял испуганную девчонку.

Смотрю ему в лицо, но в памяти оно не сохраняется. Как-то ничего особенного: глаза мелкие, нос ровный, рот аккуратный, сам не худой и не толстый. Плохо, неужели я не запомню человека, который отправит меня на смерть? Вот сейчас он треснет меня по голове, а очнусь я уже на хирургическом столе с распоротым животом. Если очнусь.

Рестриктер подтягивает рукава форменного пиджака, сжимает ладони в кулаки и сбегает по ступенькам ко мне, а я ещё борюсь со спазмом в груди.

Пячусь от него, и вдруг злость ударяет в голову неожиданным приливом сил. Упираюсь в перила, переносу вес на руки и резко выбрасываю ноги вперёд. Вкладываю всю мощь, что есть. Удар в грудь выбивает из мужчины воздух и откидывает его в окно. Оно с треском лопается, и человек падает вниз вместе с брызгами стекла.

Мне бы замереть в шоке оттого, что сделала. Или оттого, что на меня направлено сразу два ствола. Не знаю что это: инстинкт, адреналин, аффект, безумие, но внутри просыпается кто-то, и это точно не я. Потому что Элия Зарм не кинулась бы на вооруженных рестриктеров. А новое существо

– кинулось. И действует на редкость умело.

Под моим коленом разбивается нос, под кулаком хрустит кость, локти вонзаются в рёбра. Я дерусь как никогда в жизни. Нет, не яростно и жестоко, просто я никогда раньше не дралась. А сейчас расправляюсь с двумя крупными мужчинами, как с тощими уличными хулиганами. Теперь костяшки сводит болью, но мне некогда себя жалеть. Спешу к Нио, не думая, как именно смогу помочь. Он не справляется: его взяли числом, уже заносят пистолеты. Круг смыкается теснее. Убьют ведь, если не вмешаюсь. Но что я могу сделать?

Мы попались. Это конец. Сколько можно бегать? Исход был заранее предрешён.

На меня оборачиваются двое. Я медленно поднимаю руки, но объявления об аресте не жду. Только выстрела в грудь. Но через секунду происходит что-то невероятное.

Это начинается странным ощущением на коже. Наэлектризованные волоски встают дыбом, на голову давит некая сила. Что-то сверху резко и мощно ударяет в место, где стоит Нио, окружённый рестриктерами. Крыша над головами лопается стеклом, мне в лицо летит шторм осколков. Едва успеваю закрыться, как невидимая сила сбрасывает меня с лестницы и волочит вниз. Пытаюсь зацепиться, но руки скользят по камню.

Начинаю паниковать – как остановиться? Буду считать телом ступени, пока не сверну шею. Чтобы сменить траекторию, дёргаюсь в сторону, к перилам. Не с первого раза, но

хватаясь за нижнюю перекладину. Рёбра лестницы больно впиваются.

Всё затихает. Во внезапной тишине слышу только, как кровь шумит в ушах да стекло сыплется с покореженных металлических панелей. Замечаю, что кисти в неглубоких царапинах, а с кончиков пальцев срываются красные капли – ободрала о шершавые ступени с кристаллами, когда пыталась затормозить. У меня нет сил подтянуться, если разожму руки – снова покачусь. И тут слышу сверху торопливые шаги.

Удар выбросил меня в правое крыло. Рестриктеров размазало по стенкам. Они теперь в отключке. Но кто-то мог остаться в сознании.

Как там Миллрэт? И что мне делать? Пока мучаюсь вопросами, на ступеньках появляется фигура. Испуганно вскидываю голову, но тут же вздыхаю с облегчением.

– Элия! Держись! – мужчина срывается ко мне.

Я счастлива слышать его голос! Расслабляю руки, и Нио помогает мне сесть. У него на скуле – кровоподтек от удара пистолетом, губа разбита, порез пересекает бровь, в кудрях застряли крошки стекла. Мало того, он бледен, из носа идёт кровь. Но беспокоится обо мне:

– Ты в порядке? – он осторожно, за запястья, разворачивает мои кровоточащие кисти. – Не так серьёзно, обработаем, когда уберёмся отсюда.

– Ладно, – ноги ещё слушаются плохо, поэтому Нио под-

нимает меня. Стараюсь не касаться его ладонями, чтобы не испачкать. – А ты не ранен? Почему кровь не останавливается? Рестриктеры так сильно ударили?

– Нет, – мужчина вытирает рукой кровоточащий нос и закидывает голову назад. – Это последствия силовой волны, пущенной Сиреной.

– Силовой волны? Как это? – поднимаю голову, но дирижабль тих и безжизнен.

Оборачиваюсь на разрушенный переход: завитки металла панелей – всё, что осталось от стеклянной крыши, которая лежит сейчас осколками под ногами, стены зияют дырами, на ступенях трещины и сколы – вот что натворила разрушительная волна. Но почему машина направила её в эпицентр драки? Для чего? Помочь нам или погубить?

– Это сделал я, – Нио говорит тихо, ловит мой непонимающий взгляд.

– А так можно? Я не знала, – изумлённо выдыхаю.

– Я расскажу, но... позже, ладно? – он будто сам сбит с толку. – Сейчас надо уйти в спокойное место, пока рестриктеры не очнулись, – его рука взлетает к виску. Пальцы мелко дрожат. Мне вдруг кажется, что он сейчас упадет, как тогда, после больницы, и я пугаюсь.

– Ладно, идём, – киваю.

Голова ещё кружится, и Миллрэт поддерживает меня до конца лестницы, хотя сам морщится от боли, стоит разогнуть спину. Кровь у него из носа, наконец, останавливается.

Выходим из переулка на улицу. Она живая: шумная, дышащая. Слишком много жизни на нас двоих. Разноцветные огни бликуют перед глазами, сливаясь в линии и тут же разделяясь обратно в точки: фиолетовые, зелёные и синие вывески, красные сигнальные огни автомобилей, желтый свет фонарей и молочно-белый рассеянный сверху, от Сирены. Стук сердца высвобождается через уши, растворяясь в шуме машин и людском гомоне.

Мой шок огромен, чтобы отвлекаться на обстановку. Выдергиваю отдельные элементы: светящиеся колеса велосипеда, металлическая труба протеза ноги прохожего, мигающие вывески реклам прямо перед глазами. Голова снова кружится.

Ветер сильный. Воздух горячими массами прокатывается по коже, раздувает юбку, бросает волосы на лицо, липнет к рукам. Мы просто идём вперёд, чтобы успокоиться. Час назад я перестала соображать, что происходит. Хотя нет, уже больше суток.

Нио отзывает меня в безлюдные дворы. Освещённая улица остаётся позади, шум затихает. Снова фрагменты расколотой реальности: стеклянная дверь, жалюзи с оранжевой подсветкой, лестница, уводящая к подъезду.

– Элия, ты как? – здесь тёмно, и я рада, что мы не видим лиц друг друга.

Но мрак густеет и в голове.

– Нормально, – отвечаю отрывисто и не узнаю свой голос

– он глухой и чужой.

Откровенно говоря, в этот момент не ощущаю себя собой. Это кто-то другой, кто выглядит так же, но поступает несвойственным мне образом. Настоящая Элия сейчас дома с родителями, а я – её копия, бегу куда-то, дерусь, теряю близких, никому не доверяю и озлобляюсь. Меня начинает колотить – это подступает внезапно.

– Ничего не нормально, я же вижу! – Нио ворчит, понимая, что я вру.

Как почувствовал, что мне плохо? Хотя тут особых умений не надо. Как сказать ему правду? Как объяснить, что на душе? И себе-то не могу.

– Иди сюда, – он уверенно берёт меня за плечо и выводит на свет.

Скидываю его руку с плеча и отворачиваюсь – слёзы подступают. Почему сейчас? Так не вовремя! А когда они приходят по заказу? Всегда сильнее любой воли.

Мужчина понимает, что меня вот-вот накроет и тянет за собой на пустую детскую площадку. Но я уже не могу удержаться – боль рвёт меня изнутри. Заслышав всхлип, Нио останавливается и говорит что-то успокаивающее. А у меня точно уши закладывает, слышу слова, но смысла не понимаю. Я будто лишилась тела, стала пустой оболочкой.

Слёзы срываются с подбородка, волосы липнут к мокрым щекам. Смотрю в никуда, точно мне приоткрыли Вселенную, неопишимо красивую и безобразную одновременно.

Видимое спокойствие рушится, когда приходит вторая волна. Она сильнее – беззвучные рыдания искажают лицо. Я клоню голову, и капли щекочут, замирают на кончике носа и срываются вниз. Каждая – частичка души, воспоминание о Юне, о погоне, о рестриктерах, пытавшихся нас убить. Всё уходит, иссушая меня. Я отдаю эту боль жестокой Вселенной, скатываясь вглубь себя и позволяя эмоциям нахлынуть. Не знаю, что прервёт моё погружение, кажется, ничто не сможет. Я – воздух в разбитом сосуде.

Тень Нио нависает надо мной несуразной громадой, заслоняет свет фонаря. Живот сводит от слёз, истерика душит, и Миллрэт привлекает меня к себе. Громкие всхлипы тонут в его грудной клетке, проходят её насквозь и улетают в небо, где их цепляют Сирены.

Когда боль срывает голос, и я больше не могу плакать, мужчина обнимает меня так крепко, что даже дышу с трудом. Но я благодарна – это то, что нужно. Нио так много, что его руки заворачивают меня полностью. И я снова тону, но уже не в пустоте себя, а в дружеском участии. Обвиваю руками спину Миллрэта и затихаю.

Иногда кажется, что боль не преодолеть, не покой приходит внезапно, сметая поставленные заслоны. Я жива! И твёрдо уясняю, что не одна. Есть человек, которому я могу безоговорочно доверить свою жизнь. Может, мы и из разных миров, но у нас одни интересы.

Нию – мой единственный друг.

Когда я окончательно успокаиваюсь, и объятия становятся неловкими, он отпускает меня.

– Извини, распустила сопли, не удержалась, – говорю глухо и трогаю лицо.

Оно неприятно холодное, но уже сухое – обтерла о толстовку мужчины.

– Стало легче? – задает он единственный вопрос.

– Да, спасибо, – отвечаю уверенно.

Не вру. Иногда надо отпустить эмоции, пока они не порвали тебя на части. Теперь я выпита до дна.

– Хочешь чего-нибудь? – такие простые вопросы, а сколько в них заботы.

Шмыгаю носом и качаю головой. Не чувствую ни жажды, ни голода, ни усталости. Но знаю, что скоро захочу. А мы опять без крова. Плевать, готова спать на скамейке в парке – сейчас не до бытовых вопросов.

Ветер в листве – самый громкий звук, но спокойствие обманчиво. Улица тихо шумит за домами. Добавляю в ночь скрип качелей – сажусь на них и начинаю раскачиваться.

– Как думаешь, насовсем отстали? – спрашиваю я с надеждой.

– Не будь такой наивной, – Нио усмехается. – Скоро они снова нападут на след.

Мужчина садится на перекладину карусели. Нелепость: он такой большой, а она как игрушечная под ним. Я улыбаюсь не со зла, напротив, даже получаю какое-то эстетическое

удовольствие. Мы молчим некоторое время, а потом я вспоминаю:

– Ты обещал рассказать про волну. Как ты избавился от рестриктеров? – в сумраке лицо Миллрэта бледное, с тёмными отметинами, оставленными дракой.

– Использовал нейросвязь. Но, если честно, не собирался. Программа запрещает конструкторам использовать боевые команды без надобности. Даже мой уровень доступа ограничен. А тут режим сменился, ключ замкнул цепь... Само собой вышло.

В голове не укладывается. Нио ментально заставил Сирену разрушить крышу павильона и раскидать патрульных! Он разбирается в таких вещах, о которых я не имею понятия. Но сейчас, кажется, и сам до конца не понимает, как это сделал, так что нет смысла спрашивать. Однако иногда наводящие вопросы помогают прояснить картину.

– Догадки есть?

– Есть одна. Пол в переходе – каменный, с вкраплениями кристалла.

– А его свойство – проводить нейроимпульсы, – выдыхаю я, сообразив.

– Да, создалось проводящее поле, как если бы я подключался через импульсар.

– Нужна была помощь, и мы её получили, – тихо говорю я, и Миллрэт кивает.

Это всё объясняет, но... Сирена помогла нам? Неожидан-

но. Я думала, весь город против нас.

– Нетрудно догадаться, о чём ты думаешь. Но я точно не могу сказать, – мужчина вздыхает. – За последние сутки вижу всё больше фальши и не узнаю собственную жизнь.

– Я тоже, – вторю я, и ночь глушит мои слова.

– Пойдём, поищем, где переночевать. Кое-какие деньги у нас есть, – Нио поднимается, но то ли слишком резко, то ли ещё не до конца пришёл в себя, и его кренит в сторону.

Он столько раз спасал меня, а я ничем не отплатила. Я в ответе за его самочувствие!

Стремительно соскакиваю с качелей и подлетаю, но Миллрэт уже ловит равновесие, хоть и не до конца распрямляется – всё-таки сильно приложили спиной.

Он удивлённо смотрит на меня, а я краснею и отступаю.

– Извини, подумала...

– Я в норме. В глазах потемнело.

– Тебе нужно отдохнуть, – мямлю я. – Человеческое тело – не машина.

Ну что за приступ заботы?

– Нам обоим надо, – он улыбается. – Можно снять комнату в мотеле.

Мы снова выходим на шумную и освещённую улицу. Не знаю, где мне спокойнее – среди людей или вдали от них. Усталость повисает на плечах, мешает идти.

Мы молчим, я не знаю, о чём говорить. Загнала себя в крайности. Некоторое время назад называла Нио другом,

сейчас даже идти рядом стесняюсь. Что он говорил про мотель? Но ведь... Ох, да кому ты нужна? Тем более такому как он. Особенно сейчас. Расслабься.

Мысли обрывочные и путанные. Асфальт сливается со стопами, будто иду по ртути, и она дробится на шарики и снова соединяется в бурливое опасное море. Как бы на ходу не заснуть. Поэтому, когда Нио дёргает меня за рукав, я подпрыгиваю. Чёрт, почти задремала.

– Элия, смотри!

Поднимаю взгляд... и вижу наши фотографии крупным планом на информационном экране ближайшего здания. Передают новость о нас. Бегущая строка сообщает детали:

«...двое пациентов сбежали из больницы. Симптомы: паранойя, агрессия, галлюцинации. Инфицированные опасны и психически неустойчивы. Угрозы заражения нет, но контакт нежелателен. При обнаружении беглецов просьба немедленно сообщить властям. Не пытайтесь захватить их самостоятельно!».

Я застываю поражённая. Ловко. По официальной версии, мы заражены и всё, что с нами происходит, – галлюцинация. Действующий на психику вирус? Почему тогда не объявили карантин? Значит, мы сумасшедшие. Сойдёшь тут, когда приходится лезть на пожарную лестницу, прыгать с третьего этажа и драться с рестриктерами. Не знаю, кому верить. А вдруг не врут? Может, зараза внутри, а мы не чувствуем? Там, в павильоне, я будто потеряла разум, не сознавала себя

собой. Вот и неконтролируемая агрессия.

Мурашки атакуют спину, когда опускаю взгляд на ладони. Тру их друг об друга, чтобы счистить бурые пятна засохшей крови.

Неужели я теперь монстр с сознанием в ловушке? И даже себе не могу доверять?

Плохо дело, раз объявили на весь город. Слезы обиды душат. За что нам это? «Инфицированные опасны». Чем? Тем, что хотят выжить и вернуть свою жизнь? И какой вердикт? Сгноить в лабораториях? Изучить неизвестный феномен? Убить?

Попробуй, докажи, что ты нормальный. Небось, и родителям скормили байку, что их не в заложниках держат, а защищают от нас.

Нюо склоняется ко мне, и дрожь хлыстом рассекает спину, когда слышу:

– Элия, нужно уехать из города.

Глава 7. Преступление

В первую минуту так и тянет поднять Миллрэта на смех. Уголки губ дёргаются вверх. Очередной акт геройства? Хотя нет, самоубийства – стоит выйти из города, как мы заледенеем и умрём. Но желание смеяться пропадает, когда до меня доходит. Зачем выезжать за границу? Вулканические леса, Пепельные поля или карьер добычи кристалла находятся на территории Синдерсити, но в отдалении от мегаполиса.

А затаиться нужно. Теперь весь город в курсе, спокойно нам не будет. Поэтому даже не переспрашиваю, меня волнует другое:

– За что они так с нами, Нио? Ты веришь тому, что передали?

Теперь мне кажется, что прохожие оглядываются, узнают нас и по кристаллам сообщают в участок. У меня руки в запекшейся крови и порванная блузка, у Нио – живописное лицо после драки. Мы нервные и усталые, взгляды дикие. На лбу написано, что мы – те самые беглецы.

– Ни единому слову. Жалкие лгуны! Я не сумасшедший, – мужчина злится. Уже не в первый раз я, услышав плохую новость, сникаю, а Нио психует. – Мой разум не заражен, а агрессия – ответ на террор!

Слушаю его, а внутри всё трепещет. Отрадно знать, что

наши мысли сходятся. Его слова, пусть и в грубой подаче, вселяют в меня уверенность.

– Нужно исчезнуть, отсидеться, придумать план, – Миллрэт отводит меня под дерево.

– Но куда ехать?

– Куда – побочный вопрос. Главный – на чём? Транспорт нужен.

– Ты хочешь угнать машину? – замираю, пронзённая догадкой.

Рядом никого, но Нио шикает на меня и озирается.

– А как иначе ехать? Автобусом? – ворчит он.

– Но ведь это неправильно! Рестриктеры и так на нас охотятся, а мы добавим обоснованных обвинений. Это уже преступление!

– А захватить родных, объявить нас инфицированными, оперировать без согласия семьи, стрелять – не преступление?

Он зол, и я разделяю его чувства, но разве ярость – повод сносить барьеры? Становиться такими, какими нас хотят видеть? Или неважно, что мы будем делать, нас рано или поздно схватят? И пока не поздно, нужно пустить все силы и средства на выживание?

– Зачем мы им? – продолжает он. – Раскромсать на органы? Выкачать кровь? Генетические опыты или эксперименты на мозге? Добром не кончится. Операция явно нелегальная, иначе попросили бы помочь открыто. Отсюда вывод –

летальный исход неизбежен. Мы так важны, что они даже других с пути ликвидируют, – он горячится всё сильнее и выдвигает теории одна фантастичнее другой. Но с каждым новым доводом, они всё меньше кажутся мне невероятными.

– Они убили Юну только, чтобы схватить нас, – мне передается настро́й мужчины. Волны мурашек омывают лопатки и плечи, а глаза против воли наполняются слезами.

– Именно! Во мне есть что-то, позарез нужное им! Инфекция, которая ломает рассудок и делает меня агрессивным? Или сфабрикованный диагноз – всего лишь вуаль? Я узнаю, – его голос может резать сталь. – Пойду до конца, куда бы меня это ни привело. А ты?

Я сглатываю и смотрю в голубую бездну его глаз. Но ответа там нет. Он за гранью неизведанного. Чтобы его отыскать, нужно перешагнуть через себя, через закон. Но с прежней жизнью я простилась ещё в больнице, когда помогла Нио. Я выбрала сторону, положившись на интуицию. Мы зачем-то нужны городу. Или почему-то нас хотят ликвидировать. А по какой причине, я дознаюсь!

– Я с тобой! Даже если придётся пойти на преступление. Пандект больше не имеет надо мной силы, – сама удивляюсь, как сурово звучит мой голос – под стать интонациям Нио.

Он протягивает руку, а я ни секунды не колеблюсь и крепко пожимаю. И тогда улыбка прорывает неприступность Миллрэта, раскалывает твёрдую маску отстранённости. Голубая бездна заполняет меня до краев и выплёскивается.

Бурные волны холодят, но я уже дышу этим. Наша доверительная связь с Нио – теперь часть меня.

Мужчина потерял шапку, я раздавила очки, когда падала на рюкзак. Пластик в трещинах, одна линза отвалилась. Горемаскировщики. Жмусь в тень Миллрэта, а он натягивает капюшон. Ощущение опасности прогоняет сон. Предчувствие чего-то страшного высушивает горло. Но на жажду нет времени.

– У нас нет ничего, чтобы обойти иммобилайзер и отключить шину контроллеров, – говорит Нио. – Значит, не заведённую машину нам не угнать.

Кусочек льда снова скользит вдоль позвоночника. Всё ещё хуже, чем я думала. Но отступать нельзя – согласилась же. Тем более, не обязательно убивать водителя.

– Какой план? – мой голос глух, прокашливаюсь, чтобы придать ему громкости.

– Выбираем жертву, отвлекаем, забираем машину, – Нио пожимает плечами с такой обыденностью, точно всю жизнь занимался угоном.

Авто выберет он, а отвлекать буду я. С импровизацией у меня не очень хорошо, но придётся постараться.

Прямо с улицы угонять опасно, поэтому пытаем счастье на парковках. Машин мало. Первые несколько попыток заканчиваются провалом. Владельцы уезжают слишком быстро, не реагируя на меня. И вот наконец везёт.

Из здания выходит мужчина средних лет в бежевом плаще, низкорослый и плотный. Светлые волосы едва прикрывают уши. Он отключает сигнализацию, забрасывает на заднее сидение барсетку. Спешить нельзя, поэтому наблюдаю, как устраивается с комфортом на сидении, достает из бардачка сигареты и закуривает. Мерное тарахтение двигателя – сигнал к действию. Я быстро выхожу из укрытия и просовываю голову в окно со стороны пассажира. В салоне пахнет табаком с ментолом.

– Добрый вечер. Можете помочь? – я улыбаюсь, но голос дрожит.

Непорядок! Выдаст меня! Заметно, что я дергаюсь, или всё нормально? В любом случае, нужно тянуть время, пока с другой стороны не подкрадётся Нио.

Водитель поворачивается ко мне. Сальный взор скользит по лицу и груди, забирается под блузку через порванную ткань. Никогда не думала, что взгляд может вызывать такое омерзение. Для добропорядочной девушки прогулки по ночному Синдерсити нежелательны. Как мало, оказывается, я знала о месте, в котором жила всю жизнь.

– Ты откуда взялась такая? – он выдыхает облако дыма.

Меня не боится, не газует, движок не глушит. Краем глаза я замечаю, что Миллрэт уже подбирается к машине, и продолжаю забалтывать мужчину:

– Скажу честно... Мне неловко обращаться к незнакомому человеку. Никогда бы не стала, если бы не ситуация. Но

мне не у кого просить, а вы выглядите презентабельно.

– Чего тебе? Денег что ли? – грубо прерывает он меня. – Быстрее говори, что вокруг да около ходишь.

Ответить не успеваю. Удивительно, но мне не жаль владельца авто, когда Нио хватает его за затылок, ударяет лбом об руль, добавляет кулаком в нос и вытаскивает из салона. Счастливец в забвении отправляется в кусты.

На парковке никого. Пока я озираюсь, Миллрэт уже садится в машину.

– Элия, не тормози! – он окликает меня, но вместо того чтобы сесть, я кидаюсь к поверженному. – Куда ты? – Нио недоумевает. – Надо ехать. Жив он, только без сознания.

– Сейчас, – я перекаत्याю блондина на спину, поворачиваю голову.

Он думает, я пошла проверить, не убил ли он мужчину. На самом деле меня заботит другое. Мы в бегах. Угоняем автомобиль. Нападаем на невинного человека. Теперь всё серьёзно. Я преступница. И должна защищать себя и своего сообщника.

Удар у Миллрэта на редкость точный и сокрушительный – водитель, и правда, в отключке. Из носа тонкой струйкой течёт кровь. Стараюсь не испачкаться и тянусь к мочке уха. Кончики пальцев трясутся, поэтому кристалл выковыриваю не сразу.

Потом сразу вскакиваю и давлю его каблуком до характерного хруста, веду подошвой по асфальту, распыляя крошки.

Закатываю мужчину обратно в куст и бросаюсь к машине. Нио газует с ходу, едва я запрыгиваю на переднее сидение. Чуть не стукаюсь головой о стекло, но успеваю нажать кнопку пристёгивания, и лента ремня змеится через грудь.

– Неплохо придумала, – ловлю одобрительный взгляд Миллрэта и чувствую глупую гордость от того, что правильно поступила. – Теперь, когда очнётся, не сразу заявит. Наши фото на всех экранах, может, и не узнал, но потом догадается. Кажется, всё прошло гладко.

– Ага, – коротко отвечаю и вздыхаю с облегчением. Сердце до сих пор стучится в решётку рёбер, но всё уже позади, нас не преследуют.

– Элия, ты отлично справилась. Благодаря тебе у нас есть авто, – мужчина доволен.

– Благодаря мне? – удивлённо восклицаю я. – Не я водителя в руль впечатала!

– Точно, не ты, – смеётся Нио, – зато ловко его заболтала. Неплохая мы команда, а?

Команда? Круто звучит. Мне приятна его похвала. А ещё ему чертовски идёт улыбка.

– Да, неплохая. Спасибо.

Запах сигарет и ментола душил. Только сейчас замечаю, что дым из салона не улетучивается. Наверное, зажжённая сигарета куда-то закатилась. Так и есть. Нахожу её под сидением и брезгливо выбрасываю в окно.

– Проверь его вещи, – даёт мне указание Миллрэт.

Нажимаю кнопку, и из широкой пасти бардачка вываливаются сигареты, зажигалка, тубик с лекарствами, носовые платки, инструменты и синтезатор звука для машины. Ничего особенного. В сумке блондина полезных находок больше: универсальное удостоверение на авто, связка электронных ключей и денежные карточки.

У нас ещё остались от Сиары, но здесь раза в три больше, номиналом в десять, пятьдесят и сто кредитов: настоящее богатство. Цены в городе невысокие – внешнего оборота нет, и смысла завышать тоже.

– Нио, здесь деньги и много, – перебираю в пальцах разноцветный пластик.

– Запасливый хозяин. Нам повезло, – он бросает взгляд на удостоверение. – Что ж, спасибо, Карам Блант. Перед тем как покинуть город, заедем в магазин, закупим всё необходимое, – сообщает мужчина, выруливая на эстакаду.

– Будто на неделю в лес едем, – усмешка вырывается у меня против воли.

– Нет, вряд ли столько, – он качает головой, не отрываясь от дороги. – Но без запасов и пары дней не протянем.

– Куда поедем?

– Смотри на сколько хватит заряда. Если повезёт, дотянем до Вулканического леса. Сейчас батареи полны наполовину, до карьера хватит. А там уже спокойно зарядим.

Поверхности автомобилей в Синдерсити – фотоэлектрические элементы, поглощающие излучение Сирен, как сол-

нечные батареи. На этой энергии и ездят. Многое в нашей жизни зависит от умных машин. Что случится, если они вдруг сломаются?

Справятся ли там ребята без главного конструктора?

Минут через пять въезжаем на территорию круглосуточного супермаркета. Покупка автоматизирована: заказ и оплата через терминал, выдача на конвейере. Минимум людей на обслуживании, только менеджер на пункте контрольной проверки, но его мы не увидим.

Манипулятор с дисплеем влезает в салон. Я смотрю через плечо, пока Нио выбирает разделы и заполняет электронную корзину: продукты, посуда, кое-какие приборы, одежда, обувь, лекарства, спальные принадлежности, предметы гигиены. Сумма выходит кругленькая, но деньги для нас теперь не проблема. Миллрэт спрашивает мои размеры в одежде и предпочтения в еде. В остальном справляется сам. Кажется, ничего не упустил.

– Готово. Посмотри, не нужно ли тебе что-нибудь... ещё? Личное? – он придвигает дисплей ко мне. Страница раскрыта на разделе бытовой химии и белья.

Не сразу понимаю, что он имеет в виду – вроде же всё необходимое выбрали. Ответ затягивается. А когда до меня доходит, то уши вспыхивают.

Я девушка, а значит, и товары могут понадобиться специфичные. Даже неловко становится оттого, что мужчина спрашивает о таком. Какая дальновидность! Верно, истекая кро-

вью, как бежать от погони? Но с этим порядок – цикл недавно закончился и до начала следующего полно времени. Поверить, не могу, что Нио, пусть и завуалировано, спросил об этом! И как догадалась не уточнять?

Он смиренно ждёт, а я сижу вся красная от смущения.

– Н-нет, больше ничего, – отворачиваю пылающее лицо.

– Хорошо, тогда подтверждаю заказ, – он будто тоже вздыхает с облегчением.

Нажимает кнопку на дисплее и скармливает карты приёмнику. Получив оплату, терминал выдает наш номер, сворачивается и выползает в окно. А мы отъезжаем к выдаче.

Машин кроме нашей нет, но Нио всё равно нервничает и барабанит пальцами по рулю. И у меня горло сводит от напряжения. Только расслабилась, как снова мандраж. Легко перенимаю эмоции Миллрэта, точно мой приёмник настроен на его волну.

Табло высвечивает наш номер и по ленте ползёт заказ. Мужчина оглядывается и выходит из машины. Всё спокойно, он загружает на заднее сидение пару больших пакетов.

Наконец-то можно ехать. Из ближайшего пакета торчит хвост длинной булки, а по салону уже витает дивный аромат горячей выпечки.

Сколько я уже не ела? Слюни сразу заполняют рот.

– Голодная, наверное? Поешь, – Нио замечает мой взгляд.

Меня уговаривать не надо – перетаскиваю пакет на колени.

– А ты разве не хочешь?

– Позже, на трассе. Не хочу сейчас время тратить.

Понимающе киваю и шуршу дальше. Нахожу салфетки и наконец-то стираю с рук следы крови. Достāju бутылку с соком – зов жажды сильнее голода. Пью долго, жадно, почти не ощущая вкуса, даже проливаю на подбородок. Потом ломаю булку и засовываю в рот большой кусок, от запаха сыра и базилика кружится голова. Корочка хрустит, а внутри хлеб мягкий и горячий. Живот сводит от предвкушения.

И тут Миллрэт начинает смеяться. Надо мной что ли? Ну да, над кем же ещё? Набросилась на еду как сумасшедшая. Так и застываю с набитым ртом.

– Прости, – мужчина пытается успокоиться, но лишь пуше хохочет. – Просто ты так забавно выглядишь. Не отвлекайся, продолжай.

Трудно это сделать. Заливается так, что хочешь – не хочешь, обратишь внимание. Ему безумно идёт широкая улыбка, она освещает лицо, сглаживает строгие красивые черты. Даже не могу на него рассердиться. Дожевываю булку и тоже хохочу. Смех – как ключ разомкнул контакты, стало легче, напряжение ушло.

Насытившись, убираю пакет назад. Время на городских экранах – 2:20. Странно, мне казалось, больше. Мысленный поток течёт свободно. Сытость усиливает блаженное чувство тепла и спокойствия. Усталость выбирается из укрытия, тяжелит тело, клонит голову к плечу. Нио ведёт машину так

ровно, что меня укачивает. Сама не замечаю, как засыпаю.

А просыпаюсь от того, что в лицо бьёт яркий свет. Перемена удивительна и неожиданна – секунду назад за окном царила ночь, а стоило смежить веки – заиграл день. Широко распахиваю глаза, и в качестве расплаты – щурюсь и моргаю с полминуты. Ноги и спина затекли, руки покалывает от побежавшей по венам крови, а шея хрустит, как вчерашняя булка. В салоне жарко – окна и двери закрыты. Двигатель молчит. Воздух горячий и душный. Провожу рукой по шее, поднимая намокшие от пота волосы.

Миллрэт спит, опустив сидение и повернув голову ко мне. Лучи с чёрных ресниц стекают на щёки. Внимание на царапинах и ссадинах не заостряю, смотрю на крупные черты лица, узкую переносицу, продолговатую ямочку на кончике носа, зарастающий щетиной подбородок. Освещённый дневным светом через лобовое стекло, Нио невероятно красив.

Я раньше не замечала или не до того было в темноте и суматохе?

Он переоделся и теперь в клетчатой рубашке и тёмных брюках. Рукава закатаны по локоть, расстёгнутые верхние пуговицы обнажают волосы на груди. Губы мужчины приоткрыты, и какое-то время не могу отвести от них взгляд. А когда удаётся, постыдно краснею и решаю поскорее ретироваться.

Распахиваю дверь, и прохладный воздух задувает в салон. Ветер с радостью треплет чёрные кудри Миллрэта, но тот да-

же не шелохнётся. Он вел авто всю ночь, пока я спала.

Спускаю ноги с сидения. Ужас, все в мелких порезах. Особо глубокие саднят. Надо обработать, но если начну рыться в пакетах – разбужу Нио, а мешать его отдыху не хочу. Царапины не убегут – займусь ими, когда мужчина проснётся.

Выпархиваю из авто. Сейчас, при свете дня, события ночи кажутся сном.

Машина стоит на солнцепеке – заряжается. Прав оказался Миллрэт – дальше карьера не уехали. Припарковались на возвышенности перед съездом, впереди – гигантская воронка. Она уходит вниз так глубоко, что кажется бесконечной. Есть ли там дно вообще? Широкие края сужаются в черноту, кажется, дыра проходит планету насквозь, и, стоит в неё прыгнуть – обнаружишь себя на другом континенте, среди незнакомых людей, в ином мире.

Может, это и есть выход из Синдерсити? Нужно только прыгнуть и появиться в новом месте, с новой жизнью? Но передо мной лишь безмолвный карьер.

Извержение кальдеры подняло залежи кристалла с глубин. Учёные исследовали необычный минерал и быстро нашли применение открытому свойству. Сейчас запас карьера истощен, и добыча остановлена – у города избыток ресурса. Но технику и оборудование не увезли. Прямо на горизонте красуется причудливый роторный экскаватор: огромный металлический монстр. Только такая махина могла прорыть столь глубокий карьер.

На длинной стреле – гигантское колесо, ковши которого ещё хранят остатки руды. На спуске стоят экскаваторы поменьше, буры, огромные грузовики, кузова которых могут вместить десятки машин. Человек рядом с ними покажется мелкой букашкой, и я именно так себя ощущаю, глядя на всё это с площадки.

Ветер гонит пыль по пустырю. Чем ближе к границе города, тем бледнее небо, тут оно тёмно-серое, запылённое. Дышится ещё легко, но у дороги – уже предупреждающий указатель, что дальнейшее путешествие по трассе опасно для здоровья. Однако Сирены пока справляются. В сорока минутах отсюда – Вулканический лес. А если повернуть на юго-восток, можно приехать на Пепельные поля.

Не была ни там, ни там, только видела схему проезда. Там нет жизни: иссушенная, присыпанная пеплом земля, карликовые изломанные деревья, тяжёлый воздух. Плодоносит только западная территория, благодаря удобрениям Вэна. Страшно представить, что мир за городом выглядит как Пепельные поля – мили пустоты и мрака. Ни жизни, ни надежды.

А если Синдерсити больше не примет нас, куда идти?

Что-то щёлкает за спиной. Нио, потягиваясь, выходит из машины, шурится от света и зевает. Сонный он такой милый. В свежей одежде выглядит солидно и по-деловому, а я перед ним в лохмотьях. Не стала пакетами шуршать, а теперь думаю, что зря не переделась.

– Доброе утро, – Миллрэт подходит. Тоже разглядывает меня, будто первый раз видит.

– Доброе. Всё-таки разбудила? Я старалась выползти тихо.

– Нет, я сам проснулся. Заспался, хватит.

Некоторое время мы молча смотрим на заброшенный карьер. С Нио комфортно молчать, нет неловкости. С утра я не люблю много говорить, обычно Юна щебечет вокруг, рассказывая новости. И как умудряется набирать их за несколько часов?

Юна... Грудь сжимает, и сердце превращается в пружину, туго свернутую стенками рёбер. Нет, слишком больно вспоминать. Так и вижу, как взвиваются вверх светлые влажные волосы, и подруга валится на пол коридора. Эта картина впечаталась в память навечно.

– Батареи ещё долго будут заряжаться? – спрашиваю, чтобы отвлечься.

– Уже полные. Можно ехать. Или хочешь здесь побыть?

– Нет, поехали. Я только переоденусь, – запускаю пальцы в прореху на боку, и под напором ладони хлипкая ткань блузки разрывается до талии. – Чёрт!

Скрываюсь в машине под смех Миллрэта.

Глава 8. Вулканический лес

С полным зарядом авто едет быстро. Добираемся до границы Синдерсити, здесь покрытие дороги кончается. Прошу Нио остановиться – так далеко никогда не забредала, и теперь гложет любопытство.

Температура в лесу ниже, чем в городе. Из рта выдыхается облачко пара. Здесь тяжело дышится – пыль забивает нос и рот, хочется кашлять. Пейзаж мрачный, мёртвый. Макушки кривых деревьев опалены ржавчиной и присыпаны пеплом, под ногами разливается ломкая медь, такая же хрупкая, как подверженный усталости металл. Снег в траве лежит белыми проплешинами. Большие камни выглядят как кучи аккуратно уложенного и застывшего пепла. Серые хлопья витают в воздухе, медленно планируют на бурую листву, но вихри Сирен поднимают их и кружат в бесконечном круговороте.

В просвете между деревьями – шапки сугробов, воздух не прозрачный, небо хмурое – ничего не разглядеть. Там царство хлада, неизвестности и смерти.

Подхожу к снегу медленно, как к опасному врагу, присаживаюсь и протираю ладонь. В нос заплывает запах прелой листвы. Тонкая струйка холода поднимается, окутывая руку. Опускаю пальцы в снег и вздрагиваю от того, как мягко

они погружаются. Я думала, снег твёрже. Вынимаю кисть и смотрю, как снежинки тают на коже. Зачерпываю горсть и крепко сжимаю, а после смотрю на параллельные борозды, оставленные пальцами. Наклоняюсь так низко, что от моего дыхания верхний слой исчезает.

– Что ты там нашла? – звучит надо мной голос Нио.

Так залюбовалась ледяным чудом, что не услышала шуршания его шагов по траве.

– Ты видел когда-нибудь снег? – встаю и простираю к нему ладонь с бесформенным талым снежком. Мужчина с любопытством смотрит, но быстро теряет интерес.

– Выглядит не очень, – он даже не притрагивается и вертит головой. – Дальше поедем. Здесь слишком холодно и пыльно для стоянки.

Не могу оторвать взгляд от кромки леса, за которым куполом нависает пепел.

Из города нет выхода. Прыгнуть в разрытый карьер и то безопаснее, чем идти этим путем. Я замёрзла уже здесь, а какие за границей температуры?

Но мы не можем вечно прятаться. Сколько и куда бы ни бежали – в итоге нас схватят и запрут в лаборатории, будут мучить, пока не извлекут то, что нужно, а потом выбросят как отработанный материал. Неприятно думать так о себе. Особенно после того, как всю жизнь считала себя если не особенной, то личностью. Человеком, а не сырьем.

Почему моё право на жизнь хотят оспорить?

– Элия? – Нио подходит, не дождавшись ответа. – Согласна?

– Да. Извини, просто задумалась, – наверное, взгляд у меня отстранённый. Чувствую себя пустой.

Миллрэт берёт мою руку, ещё хранящую прикосновение снежного комочка. У мужчины горячие и сильные пальцы, они прогоняют холод, а заодно и пепельный морок безысходности из головы. Становится спокойнее – тепло умиротворяет.

– Не переживай. Нас здесь не найдут, – он склоняется ко мне с лёгкой улыбкой.

Без поддержки Нио я давно бы спасовала. Слабая, сомневающаяся, испуганная девчонка – без него я никто. Заглядываю ему в глаза, а над головой разворачивается синева неба – чистая, дарующая надежду. И во мне стремительно набирает силу новое яркое чувство, точно питается от ласкового взгляда. Оно такое мощное, что, кажется, развеет пепел за городом. Нельзя давать ему окрепнуть, ведь у него одна судьба – сломаться под ногами с хрустом умершей травы.

– Надеюсь, что так и будет, – аккуратно высвобождаю руку и иду к машине.

В дороге молча смотрю в окно. Вид угрюмого пейзажа навевает на меня дурные мысли. Не хочу их развивать и стараюсь прогнать. Нио не беспокоит меня, за что я ему благодарна. Находим подходящее место для стоянки – небольшую поляну. Вокруг тот же лес после катаклизма, но воздух чи-

ще – пепел не летает, в горле не свербит. А ещё тут теплее, можно не выдыхать пар и не ёжиться.

Меж деревьями блестит гладь небольшого пруда. Естественный или искусственный? Бесцветное небо отражается в воде, мелкая галька устилает дно, попадаются большие валуны. Хочется освежиться, но вода мутная и плохо пахнет.

– Я купил очиститель, – вдруг говорит Нио. – Закинем в пруд, через пару часов воду можно будет использовать.

Восхищена его запасливостью. В сборах я всегда что-нибудь да забываю, а он всё предусмотрел!

Чувствую себя странно. Я за городом, в лесу, у меня ничего нет. Но неожиданно нахожу себе занятие. Миллрэт выгружает пакеты на плоский камень, а когда разгибается, морщит лицо. Отвернуться не успел – увидела.

– Больно? Спина, да? – догадываюсь я.

– Терпимо, не переживай, – он пытается отболтаться, но в глазах ещё не погасли искорки боли. Теперь от меня не отделаётся:

– Тебя сильно ударили об лестницу. Где аптечка? Нужно чем-нибудь смазать, – ворошу ближайший пакет.

Мне везёт – сразу нахожу контейнер с лекарствами. Препаратов много, но надо знать масштабы трагедии. А раз взяла роль медсестры, придётся соответствовать:

– Сними, пожалуйста, рубашку, – не думала, что когда-нибудь попрошу Нио о таком. – Хочу посмотреть... – на что смотреть собралась? С ума что ли сошла? – ...насколько всё

серьёзно, – добавляю тише и отворачиваюсь.

Мужчина не спорит. Признает, что сам не дотянется, а обработать надо. Видимо, болело сильно, а попросить не решался. Он усаживается на валун, расстегивает пуговицы. Меня охватывает смятение, когда оголяются грудь и плечи, но стоит Нио снять рубашку, с трудом удерживаю вздох и замираю, поражённая.

И вовсе не из-за рельефа мускул под кожей – всё тело в кровоподтёках и ссадинах. Под ребрами проявились фиолетовые разводы. На широкой спине, в области лопаток, страшное зрелище – симметричные синяки как отсохшие крылья. Всё опухло, не знаю, как притронуться, чтобы причинить меньше боли. И так настрадался. Цена успешного побега разукрасила тело Миллрэта, ведь он обычный человек без сверхспособностей.

Но для меня он герой. Ведь даже не пикнул, не пожаловался и собирался молча терпеть. Становится стыдно – я отделалась парой царапин, основной удар он всегда принимал на себя, защищая глупую девчонку. А я даже не поблагодарила за спасение жизни.

– Ты чего там притихла? Всё настолько плохо? – мужчина не выдерживает и оборачивается, считывает сочувствие с моего лица и хмурится.

– Вообще-то да. Сильно тебе досталось. Сейчас смажу, постараюсь осторожнее, прости, если будет больно.

– Потерплю, – он с готовностью сжимает зубы.

Сидит передо мной с обнажённым торсом и не стесняется. Хотя чего ему? Это я слушаю в ушах скорый стук сердца, а внутри всё трепещет. Предложила помощь, но только испытание себе устроила.

Прежде чем выдавить гель, тру ладони друг о друга, чтобы согреть. Но Нио всё равно вздрагивает, когда касаюсь его.

– Извини. Холодные руки?

– Скорее гель. Но прохлада приятная.

Осторожно, кончиками пальцев, размазываю средство по опухшим местам. Нежными движениями охватываю всю поврежденную поверхность, синяки под ребрами и мелкие царапины. Гель впитывается быстро и холодит ладонь, а значит, должен глушить боль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.